

СМЕНА

№ 21 1947

НОЯБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Еще мгновение — и мастера спорта Виктор Шапкин и Александр Васин
возьмутся за руки.

Рядом с ними в таком же свободном полете —
наш специальный корреспондент Сергей Киселев.

Репортаж о воздушных акробатах смотрите на стр. 20—21.







„ВОТ ОНА, СУДЬБА МОЯ“

...Нам необходимо прежде всего учиться читать... и поминать прошлое...

В. И. ЛЕНИН.

СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ ЛЕНИНА? Но ведь в его многогранном литературном наследии нет обширной автобиографии. Подобной схемке, не только мучительной «Исповеди» Жан-Жака Руссо, но и публицистическому эссе Герцена в «Дело и душа» или неторопливому повествованию Агусты Бабелы «На моей жизни». Идент революционный, который и составляет главное содержание жизни Ленина, ему всегда было «принятие и пользование» — чем о нем писал?

Но потому ли первые популяризаторы и комментаторы ленинских трудов еще в двадцатых годах заявляли, что даже «в полном собрании сочинений Ильича мы не найдем нигде прямых указаний автобиографического характера». Впрочем, и новелле, неизменно более осведомленные исследователи жизни историком заявляют уже не в 1927-м, как и первом ее изд. в 1984 году: — Очень немного написал Владимир Ильич о самом себе. Если собрать все воспоминания, рядом с десятками томов его сочинений можно будет поставить совсем тонкую книжечку.

Но автобиографические свидетельства Ленина незначит ставить «рядом с десятками томов его сочинений». Свидетельства эти — отрывки, хоть и наименее изученная и никогда еще сколько-нибудь полно не собиравшаяся составная часть ленинского наследия.

Начная биография Ленина, многогранная «История КПСС» и специальные монографии широко раскрывают содержание ленинских идей. Страницы автобиографии Владимира Ильича позволяют познать нравственное, психологическое, эмоциональное богатство его личности. Жизнь-мыслитель, Ленин-революционер — отделим от Ленина-человека. Однако основополагающие ленинские идеи кровно связаны с драматическим, а порой и трагическим эпизодом борьбы за их утверждение. Они освещают судьбы и характеры идейных соратников Ленина и его арестных политических противников.

Подлинно автобиографичны не только сотни разбросанных по ленинскому наследию драгоценных строк, а тысячи — это не обобщающая, но описательная — именно тысячи страниц. Многие из них, правда, словно зашифрованы, как шифровальщица Бальшастинская конспиративная переписка. Но ценурным, политическим, а иногда и по личным соображениям Ленин нередко делится с читателем воспоминаниями как бы анонимно, неясно, неизбирательно. Но выдумать хотя бы в немногие избранные ленинские тексты. События тех с другими историческими и прежде всего документальными и мемуарными источниками. Углубит словарь конкретно-политический код эпохи или своеобразный полемический словарь двух революционных лет истинно проступит точно на чертёвнике тайнописи, личные впечатления, наблюдения, переживания и, разумеется, возможности Владимира Ильича.

Расшифрует эту публицистическую «тайнопись» революция. Она принадлежит к ленинской скромности, но беремому отношению и морально-политическим результатам современика. А то, что суровыми требованиями революционной конспирации, с ее псевдонимами, умолчанием о месте события или точной дате.

Во всегда lenne обнаружит, и, так сказать, четко проявит автобиографическую переписку, какого-либо образного мотива ленинской публицистики. Но когда это удастся, перед нами раскрывают самые разнообразные эпизоды ленинского революционного и жизненного пути...

Начиная книгу «Государство и революция», Владимир Ильич отмечает, что считает настоящим несоблюдением «приведение целого ряда данных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса». Как разъяснит он далее, «обойтись без них совершенно невозможно».

Все — пишет он — или по крайней мере все решение места на сочинения Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о соотношении взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов.

Именно так мы и поступим, чтобы дать читателю самостоятельное и возможно более полное представление о соотношении и развитии автобиографических свидетельств Владимира Ильича. Но сначала ознакомимся с весьма различными по характеру и объему документами: 1913—1922 годов, которые отражают не одно членство примечательное событие, а охватывают десятилетия ленинского революционного пути...

«В ЦЕЛЯХ ВЫЯСНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ...»

Первый — по времени записи — такой ленинский рассказ датирован 3 июня 1917 года. В тот день комиссар австро-венгерской императорско-королевской полиции в красномском квартале Пульсы допрашивал чужеземца, только что приехавшего в Галицию из Франции. Составляя из цитат выписки личности, и просматривая Владимира Ульянова — надлежит протокол, ленинская чиновница доктор Стягачев — записки вает ленинские ответы:

— ...звует меня Владимир Ульянов, сорочка двух лет, родился я в городе Симбирске, той же губернии, сын Ильич и Мария, православного вероисповедания, менаг, детей не имею, по профессии литератор и журналист, постоянный житель города Симбирска, русский подданый. Отец мой умер, был директором народных школ в Симбирске. Мать жива и проживает в Саратове, а брат Дмитрий — оружейник в Иркуте. Гимназию окончил в Симбирске. Университет, а именно юридический факультет в Петербурге, где сдал докторский экзамен. Ввиду того, что я занимался социалистической литературой, так или по убеждению, я социал-демократ, а в России развить свою деятельность в этом направлении и не мог, и уехал в Швейцарию, затем в Париз, где пробыл 3 года. В настоящее время прибыл в Краков и здесь

Ленину — политическому мыслителю и деятелю, Ленину — теоретику и организатору пролетарской революции и социалистического строительства, ленинским философским, экономическим, эстетическим взглядам, ленинским известиям партии и комсомолу, советским людям и труженикам всего мира посвящено уже множество книг. Строго во все более обширной Лениниана — литературе о Ленине и ленинisme — никогда еще не собирався всецело АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ высказывания Владимира Ильича, его воспоминания «о времени и о себе».

Из тысяч этих страниц, составляющих основу из интереснейших чтений ленинского литературного наследия, мы выберем лишь немногие. Они расскажут о Ленине — не только теоретике, но и в практике революционной борьбы, попольщике и конспираторе; не только полководце, но и солдате социалистической революции, о которой Владимир Ильич с долей на то основываясь горько и пишет как солдат, бывший на войне. Надеюсь, что при всецелом показанной неполноте фрагменты эти покажут молодым читателям многие черты неповторимой личности величайшего человека нашей эпохи.

— РАВИТЬСЯ НА ЛЕНИНА НИКТО НЕ МОЖЕТ, НО ВСЯКИЙ ДОЛЖЕН — сказала Луначевский. Да, никому не дано стать «Лениным сегодня» или завтра, но каждый новый коммунист призван в меру сил и способностей развиваться на ленинские мужество и стойкость, честность и прямоту, скромность и бескорыстие, на воплощение в области Ленина лучшие качества человека будущего.

Начная с этого номера «Смена» мы публикуем избранные автобиографические высказывания Владимира Ильича, которые входят в книгу Бориса Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ», подготовленную к печати в издательстве «Молодая гвардия».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

НОЯБРЬ 1966

21

1966

Этот журнал является частью системы охраны труда и техники безопасности, которая обеспечивает безопасность работников на производстве. Журнал содержит информацию о мерах профилактики несчастных случаев и профессиональных заболеваний, а также о методах оказания первой помощи пострадавшим.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР

О награждении Верховной государственной комитетской организации горным орденом Виктора ЛЕВАШОВА

За большие заслуги в деле освоения комбинатной и заводской территории в районе строительства и реконструкции Норильского горно-металлургического комбината им. А.А. Жданова, за самоотверженный труд в условиях Крайнего Севера, за активное участие в общественной жизни Норильского городского округа, Верховный Совет СССР постановляет наградить Виктора ЛЕВАШОВА горным орденом.



И. СМЕРГАЛ

И. БИРГАЛ

Москва, Кремль.
Т. 100 1560-77.
4 640-37.

Гвардейская пещера

Виктор ЛЕВАШОВ

Фото Г. КОПОСОВА и В. ТАРАСЕВИЧА

1956 год. Ленинград. Московский вокзал. Словно охоты в тумане, светится над перроном в маршброске тусклое пятно звуков транспонированного, бубинного лютневой оркестра, песни переплетаются с песнями.

Последние минуты. Суэта. Смех. Тоненькая девушка в синем тренировочном костюме и ослепительно-белых носочках коды, скупенно косясь по сторонам, выслушивает наставления отца.

Высокий, интеллигентного вида молодой человек обходяще треплет подругу сном по плечу, что-то весело говорит ей, а глаза у него чудные, далекие-далекие от всего, что вокруг.

Рядом со мной стоит поживой мужчина с крупным энергичным лицом. Соба на выталоги шляпы, руки в карманах расстегнутого пиджака. Сильно шурша, он смотрит, как скачками перерхивает гриф гитары короткие, с взвешенной металлической пилькой пальцы парня в темельные, выдвигаясь под куртку, как деловито-забоченно протискивается сквозь бурлящую толпу замшелый паренек с пачкой бумаг...

Проводы этого комбинатного комфортабельного состава были бы незаметным, рядовым событием в романической жизни вокзала, если бы не краснело квадрат одного из вагонов дерзкое «Дашей Норильск!».

— Сумасшедшие! Эти мальчишки, эти девочки — да что они смогут?! Ведь это Норильск! Это четыре месяца ночи, это пятидесятиградусный мороз, это ветер сорок метров в секунду! — Мой сосед обращает ко мне виноватое и как бы расстроеное лицо, повторяет: — Это же Норильск! Вы не знаете, что такое Норильск. А я знаю!..

Он долго стоит на краю платформы, проведя взглядом красные, расторопленные в тумане огни, потом кладет мне на плечо руки, как если бы мы были старыми знакомыми, над крутой мраморной ступенчатой выножкой состава поднимает стакан и произносит формулу геологов:

— Пусть тропя им не станет дубом!..

...И вот спустя десять лет я стою в центре Норильска, на площади, которая называется Гвардейской. Дымится пережестывшийся котлом черной асфальт бесконечных дорог, в туманную, искрящуюся под низким солнцем перспективу улиц уходит тяжелая, словно бы чугунные грядки домов. За парующим, как кашацкие гейзе-

ры, озером Долгим, за выдуком нагруженной тяжелыми машинами дамбы резким тушевым пером выныривает в синеватый фон горы Шмидта, корпус комбината, в высокие небо надетыми органичные батареи труб.

Там начинается город, откуда скрится он вниз, обтекает плотно поставленным адынами Гвардейскую площадь. Ленинским проспектом спускается все дальше в тундру и, словно бы боясь, что не выдержит вечная мерзлота синицовой тяжести красных кубов, становится легче, светлее, просторнее...

А с запада входит и входит в город составы с талнахской руды.

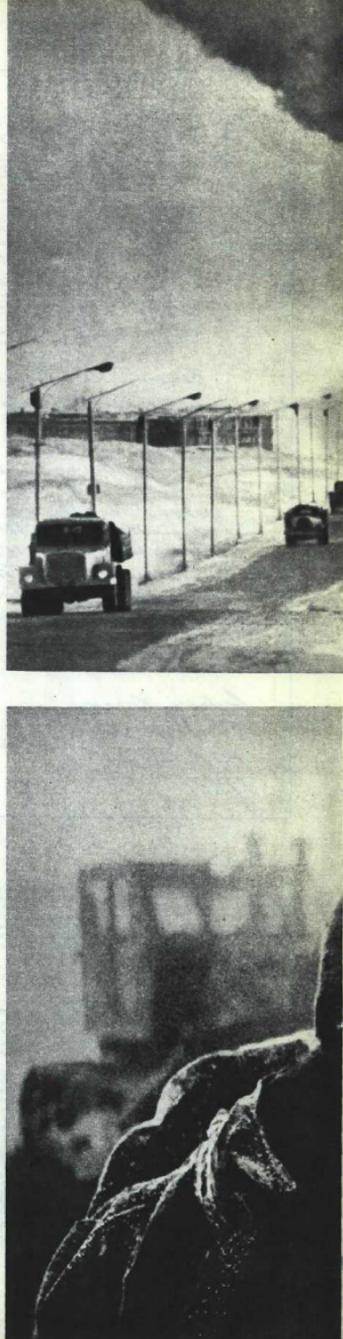
А в пакетах Дудинки копятся, млежуют мерцающие слитки меди и никеля, боючки чистой серебряной, чтобы с навигацией, ясно выравнявшись из ледяного плена, рассыпаясь по тысячам заводов страны, обогатив их, как свежей кровью, ценившим сырьем...

Я стою в центре Норильска, на площади, в центре которой будет водвинуто обелиск комсомольцам-строителям, участником подвига на 60-й параллели, и так же, как десять лет назад, думаю о судьбе тех девушек и парней.

Какой порыв привел их к обжитым ленинградским, московским, киевским, волгоградским, новосибирским квартирам на подвешенных кулачьем перронах?

Что удерживало их на этой трудной земле? Из каких запасов черлани они мужество и смелут?

Характер человека складывается из больших и малых событий его жизни, из его побед и находов, из поражений и побед. Характер города и его судьба — мозаика из судеб тех, кто строил его, тех, кто работает в нем и в нем живет. Биография Норильска достоверно известна, чтобы сегодня подробно рассказывать о людях, которые первыми закладывали фундаменты основных цехов горно-металлургического комбината, первыми завершили строительство, вошли в город первые, спасительные для Норильска составы талнахской руды. Я расскажу три истории, запечатанные со слов участников событий, — лишь несколько эпизодов из этой героической летописи, лишь несколько страниц биографии города, который ждет еще своего историка, вдумчивого исследователя тех глупбинных процессов, которые шли в совмещении вчерашних школьников и молодых рабочих.



ХОЗЯЕВА И ГОСТИ

(Александр ВОРОНОВ, потогонный строитель, Ленинград, 34 года)

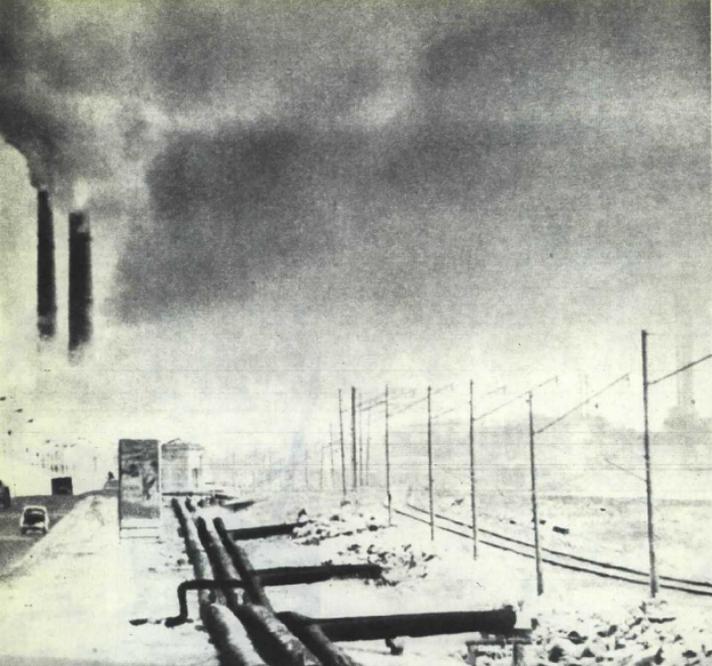
«О нас говорят: они были первыми. Неправильно. С нас началась городская комсомольская организация, но первыми мы были. Начинать историю города с момента приезда шести тысяч ленинградцев и комсомольцев, с общественного призыва — значит погрешить против истины, значит неразумно закрыть глаза на Факторы, которые определили специфику общественной жизни Морьянска. Бурная, ноющая, морозы — все это влияло больше на специфику быта, труда. Лично же для меня да и для многих, очень многих из нас историей было то, что мы приняли в наследство не только действующие уже цехи и фундаменты комбината, но и прошлое города. Мне было тогда двадцать четыре года. Школа, стройка, армия, снова стройка. История страны была для меня немногим больше, чем страница учебника или нурэ политрамоты. Только здесь, в Морьянске, я почувствовал себя не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником этой истории, прошлой страны — героической и трагической — принял как эпизоды личной моей биографии. Звучит, кажется, несомненно высокопарно, но это так. Разумеется, все происходило не за один день».

Почему я приехал в Морьянск? Сначу. Снизился легко мне в Ленинград жилось. Слишком благополучно. Хорошая работа, высокая квалификация, хорошая зарплата. Портрет на доске почета даже помелает от времени. С одной стороны, восхитился. Ну, как же, в президиум сына, переводчица района комсомольца. С другой — чувство: чего-то не хватает, скучно мне. И однажды зашел в район, услышал «Морьянск» — слово ослыгал внутри. Всю ночь шатался по Ленинграду, две пачки палаток выкурил.

Утром говорю отцу: еду... Вот там и я очутился в Морьянске. Самый трудный год! Конечно, первый. Сразу слишком много знаменю. На выносливость, на упорство — в общем, на прочность. Но в конце концов не это было главным во всяком случае, для меня. Главным было другое — знамен на веру в... Не знаю, как точно сформулировать. Вот, представь ты рабочий, ты связан с бригадиром, через него — с начальником участка, через него — с начальником стройки, затем — с министром. Представляешь себе эту цепочку? По ней идут какие-то установки сверху, добьется по мере прохождения и в конце концов для тебя, рабочего, оформляется вполне конкретная вещь. То ли это новое задание, то ли еще что. По этим же каналам идет вверх посылаемый тобой мигуль — твои предложения, твои заботы, твои нужды. И вот для меня самым главным был знамен на веру в надежность этой цепочки. Подробнее? Сейчас объясню.

В то время город, который ты сейчас видишь, только начинался. Полгода примерно прошло после нашего приезда. Плену унесло в первый же месяц — тех, кто за длинным рублем приехал. Те, кто знаменю не сдал, не набрал, так сказать, проходного норильского балла, тотое уклад, позе — с последнего караулом по Енисею. Ну, а те, кто остался, те остались с нами можно было работать. Я в то время был бригадиром на фундаментах, на промлоадках. Одновременно комсоргом участка. Иными словами, первым звеном в той самой цепочке, первым передаточным пунктом в двусторонней системе связи. И вот, как приходит время закрывать наряды, хоть мешайся. По пятсот рублей старыми деньгами — тогда еще на старые счет шел, — на ноябрь больше. Ночь напролет просиживаешь, считаешь, каждый мустан, там тришку, здесь тришку — все равно ерунда. Ну, сначала, пока не втянулись нормы не выгодились — прежде бы поинтерно было, почему. Но работать уж научились, бригада моя стала лучшая, и все равно восемьсот рублей со всеми индифициантами — максимум. А ведь это восемьсот рублей не на материи!

Прихожу в бухгалтерию, слышу: «Работать лучше надо!» Возвращаюсь к работам — вижу, как они смотрят. У нас в бригаде не принято было говорить о деньгах, неприличным считалось. Но ведь никто-то надо! На еду не хватало, иной раз нуисном



Севернее 65-й параллели



хлеба обедали. А работа — на ветру, на морозе, грунты — вечная мерзлота.

Если ты напишешь, что это время мы выдержали на горючем романтики и на песне «Комсомолец-доброволец» — здороваться перестану. Спешнее было. Наверное, каждого из нас мучило одно: «Что же получается? Провожаем с оркестрами, а теперь — никуда в руки, новую дырочку в ремешке, и — долбай. Что же мы — для того сканди, чтобы по пятничнику на обед друг у друга сшибать?»

Видел когда-нибудь весенний паровоз? Копаются вояки заруды вода, копаются, вот уже просачивается капля, вот уже тоненький ручеек, а потом вдруг, с лишней наглостью — брыз — и нет заруды. Вот так и у нас прорвало на комсомольском собрании, не помню уж по какому по-

воду. Прорвало — и понесло! Каждый говорил все, что у него на душе, и не дружнее, и растеряннее, и обиднее. Не обошлось, конечно, и без пережестов.

Я на месте председателя. В зале взаперемешку с нашими — партнозы, из горнома партни, из горнома комсомола.

И я беру слово...

У каждого человека были в жизни моменты, при одном воспоминании о которых хочется спориться от стыда, от смущения и самому себе, за биться куда-нибудь в темный угол.

Все равно — много лет прошло или не очень. Это, как первая любовь, не ржавеет. Вот так на меня действует и воспоминание о речи, которую я тогда произнес. (Между прочим, я тебе все это рассказываю для того, что-

бы ты понял, что происходило. Если станешь писать, фамилию мою не называй. Поставь — Воронов, что ли, по некоторой аналогии. Да, до сих пор стыжусь. И не в фамилии ведь дело. Договоримся?)

Ну так вот, встал я рядом с трибуны и — понес! Господи, чего я только не говорил! Говорю — и зарумюсь. И вот уже начинаю кляпиться. Обзываю рязком Женюку Ларионову — Женюку, который кошку с пальцем оставил на вибраторе! Прощаю апафеме маменину дочку Лосыску Александорову — Лосыску, которая почти ступил болталась чашечку, варила фенюку, когда омидали прагнелевский цинломи! Мытинами называю ребят, с которыми хоть сейчас в разведку.

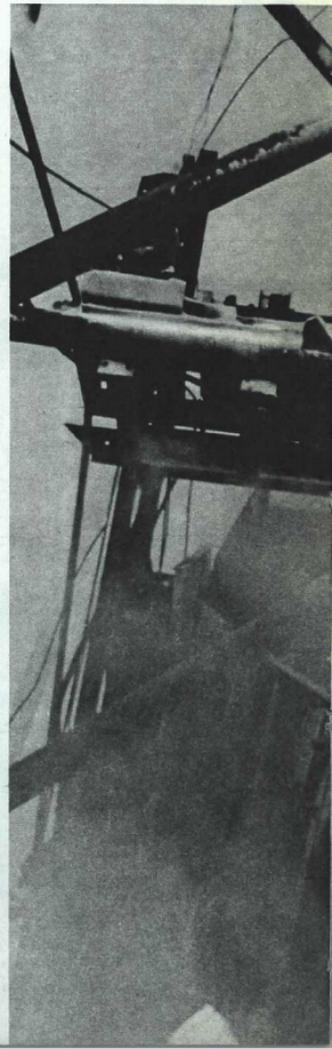
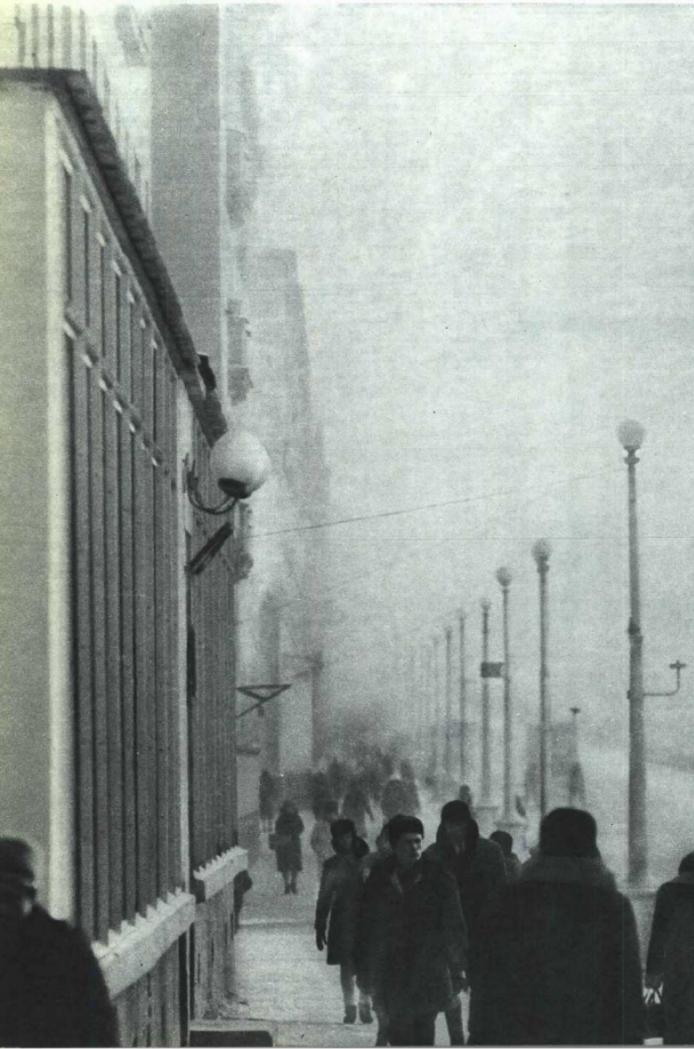
Словом, двигаюга неумительнешею, чистейшей водой! Вот когда во мне сизался самодовольный маль-

чи, привывший сидеть в президиумах и пылиться стройной отгорожен с ним за ручку!

Ты слышал, конечно, такие выступления, оратор не круглый идиот и не законченный суини сын...

Ладно, Скажу. Обо всем уже забыл — и о своих ночных сомнениях и о том, перед кем я выступала. Выразил, наконец, готовность за свои деньги (а откуда они?) купить билет на самолет до Ленинграда любому, кто не желает трудиться там, как положено. Самуся, каздается короткая хлопина, верю — искренне: видно, тоже завел ного-то. И тогда — прощай тышанда. Слышно даже, как компрессоры на соседнем участке стреляют. И

Город — есть!



тогда откуда-то сбоку поднимается Иван Максимович Метлицкий, из горкома партии — я с ним позже ближе познакомился, — и там, как будто моего пламенного выступления и не было, как будто и двадцать минут только рот раскрывал, как рыба, начинает говорить о том, что расценки действительно не соответствуют затратам труда, что погонной инфляцией искусственно занижен, что провалянные экономистами расчеты поназывают среднюю заработную плату молодого рабочего чуть ли не вдвое меньше необходимого прожиточного минимума. Горком партии, горисполком и горком комсомола передали в правительство соответствующую докладную записку...

И все.
Собрание заканчивается. Свет в коридоре угоняет уже погасили. А я

Даже в самый лютый мороз.

сижу и не могу подняться. Что же, думаю, мне теперь делать? Как же я в глаза работам посмотрю? Вот завтра подойдет ко мне Лесная и скажет: «Ну-ка, милый, купи-ка мне билет на самолет до Ленинграда!»

Опаялся наконец, вышел. У входа — машина, папироса в набоке светится. Открывается дворик: «Вороной! Сидишь, нам по пути». Метлицкий. Всю дорогу молчал. У общинника высидел: «Иди, работай. Работаем, я слышал, ты хорошо». Говоришь, истати, тоже хорошо. Только думай, больша, думай. И учись верить себе, своим глазами, своему уму».

Знал бы что-нибудь, сколько я тогда передумал...

Да мы выдержали. Но не на романтике. Впрочем, может быть, это понятие более широкое, чем я себе

представлял. Главным нашим зарядом было слово правды. Нам доверились, с нами разделили заботу о судьбе города. И тогда-то, наверное, надежды на нас впервые наиболее остро ощутил себя не участником, а хозяином стройки.

Между прочим, мои слова о билете на самолет до Ленинграда, словно специально придуманные для шутки, мне так никто и не припомнил. Даже когда мы стали зарабатывать прилично. Помнили они, черти, что со мной творится, что ли?

Утром жизни тем и ценны, что дорого за них платишь. А эти угрозы были мне на век вечные. Ни на секунду о них не забывал — и когда работал освобожденным секретарем комитета в и штате горкома комсомола.

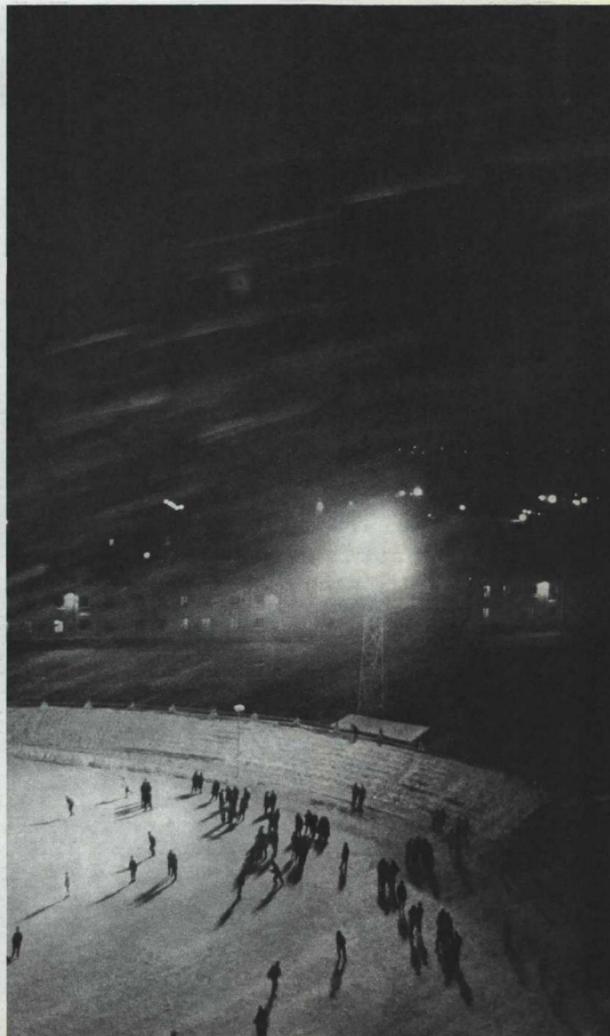
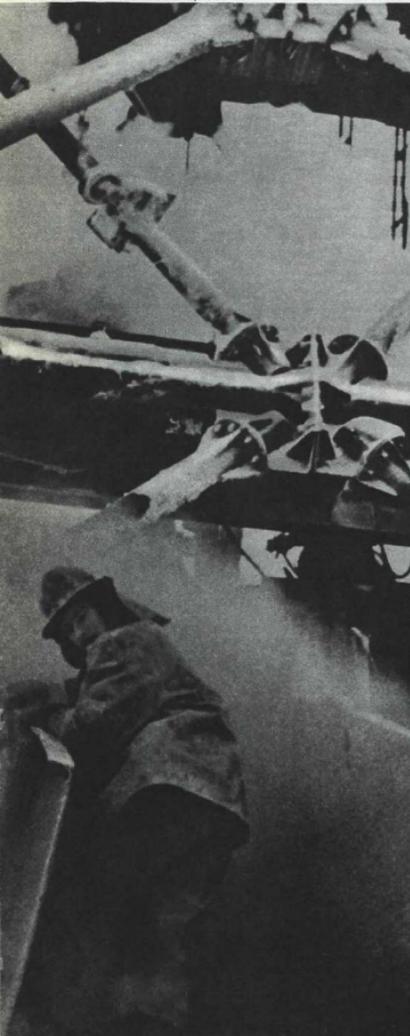
Но это было уже поэма...

ЧУЖОЕ ДЕЛО

(Иван БУРДЕНКО, шофер, место рождения неизвестно, 29 лет)

...Как неизвестно? Да вот так и неизвестно. Во время эвакуации наш завод был разбомблен. Оттуда эвакуировалит Мне полтора года, наверное, было, я помню, да? Поставили в метрике «Чайбинск» — так, для префурмы. И фамилия у меня тоже для префурмы, такая фамилия была у директора

И, конечно, лед что надо.



ИЗ НОВЫХ СЛОНОВ

Незавершенный день

Случается —
Как рано ты ни встань,
А целый день торчашь под небом
И смурим,
Безделия выплачивая дань
Но дуракам, так беззащитно дурам.
На их ты попадаешь торжества,
И вот потерял целый день, громадин.
Ни капельки, буквально ничего
Хорошего не сделалась ты для меня!
Но испляснули вчерашние огни,
Ток электрический ударил в темноту:
Очнулся! Любимой дорогой нагонил
Бессмысленно потраченного времени!

И ты кудаешься как бы назад,
Вспять, а белый день, когда уж небо
Звездно,
Прешь против топн. И все тебе
— Куда ты лезешь! Словачились
всплозят:
поздно!

Но лучше поздно все ж, чем никогда,
Когда тобой желанье овладело,
Как лутником в дороге нигде:
Назад! Доделать брошенное дело.

Чтоб наверстать незавершенный день,
Ты мечешься во мгле его кварталов
Вплупотымак весь взор, всю
дрембедель
Полупно извергая с пьедесталов!

Атавистка

Есть в горнице
Кровать, на ней перина
И плед шотландский клетчатый, но
лечь

Тебе в постель не хочется. Крик:
Ты, атавистка, хочешь взлезть на
печь.

Ты правильно придумала, матрешка:
В избе, так уж и вправду, как в избе,
Хоть за венгерскими ситником окошка
Электролампа виснет на столбе.

И над деревней спутники летают,
И каравеллы плавают в ночи...
Но девочки с умом предпочитают
Спать, точно в русских сивазах, на
печи.



Лес

У леса
Не счесть этажей...

Во-первых,
Этаж есть подвальный —
Подпольный, подземный, печальный
Питомники жуков и ульев.

А в первом лесном этаже,
Для жизни людской отведенном,
За каждым квадратом оконным
Многo творится ужас...

Но выше
Этаж есть второй
И третий, четвертый и пятый,
Где прическа, весь сушеватый,
Сам лес под древесной короной.

Там
Причекает он от юстрого,
От выхлопов автомашинных,
И птицы кричат на вершинах:
— Хозяин! Ты жия! Ты здоров!

И ночью я видел, как лес,
Как будто бессонницей мучим,
По собственным лестницам лез,
Как лезут медведи по сучьям.
На
Собственный лез он чердак,
К окошечкам звездных отдушин.
Васьк к небу стремился он, — так
Свой собственный дом ему душн!



Тенец

Воссел на провод мерзостный тенец
И требует с родителей червей он.
О, до чего же он самонадеян!
Сочтает избалованный юнец,
Что он всего творения венец,
И путь его лишь лаврами усыен,
И метит в завсегдатя кофеев
Они, тунявель, этакой лодочей!
Путю его. Довольно выхлывать
Пот стариков. В его примерно год
Меня уже стихи и переводы
Кормили. Но отец его и мать
Кричат: Оставь! Надо понимать,
Что птица он совсем иной породы.

Пляж

Когда в воскресный день спешат
Из ближних сел на этот дачный пляж,
Необычайнейшее обаяние
Приобретает солнечный пейзаж.

Словами этого не передать,
Но сразу исчезает расстояние
Между селом и городом. Купанье
Все веселее. И делает вкрая

«ИЛ-1» над толпой людских
Фигур темно-коричневых мужских
В упругих плавках и прелестных
женских

В отличнейших купальниках, когда
Перестает их теплая вода
Делить на городских и деревенских.

Новости и древности

Не
Пожаловал
Деревни мне
Николай великий князь,
Но пожаловал в деревню я,
За спойностием гонимъ —
Жаждая я резбы по дереву
На бревчатой стене,
Но деревни мне отмерила
И пожаловала мне
Вместе с ликом богородицы
С византийских образов
И жулика, который водится
Меж бревенчатых пазов,
И в пудках металла ржавого
Свалок битого стекла —
Все, что выброшено к дьяволу,
Все, мне время истекло.

За деревней
В куче мусорной
Я нашел кусок резбы
Деревянной от избы.
Эту вещь я забурю с собой,
Но вользам и глаз мерцание
По осенним вечерам
При ревнивом созерцании
Телевизионных программ,
И вользам и глаз мерцание
Видеть, призраки гоня,
Полное благополучие
В свете блудного дня.

В сельские
Не верил драмы я.
Думал, нет их, а копии —
На проверку ты же самые,
Что и в городе они.
Ибо многое приходится
Изучать почти с азав,
И клянусь я богородицей
С деревенских образов:
Эти новости и древности,
Как ты их ни назови,
Как и повести о ревности,
Невынати и любви,
Это все не однодневные
Мотыльки над головами...

Вот что
Вылез из деревни я
На машине легкой.



Робот

Вот уж год тому назад студенты
Электромагнитического института
Робота меня программировали.
Но не шло дониме почему-то
Автомата этого, который
Мог бы за меня по телефону
Отвечать и в бурюно бежать.
Видимо, они еще не могут
Сконструировать тебя, мой робот!
Смущается, так и должно быть.
То-то же, товарищи студенты!

ерез Орловщину и Брянщину, мимо многовекового дуба, стоящего на границе двух республик,—любимого места размышлений Петра Петровича Вершигору,—двинули в Белоруссию, на Гомельщину — в партизанский край. Первым делом завернули к коваловцам Михаилу и Лиде Яденко.

В годы войны Лидя носила фамилию отца — Бондаренко, Восемнадцатилетняя девушка, окончившая наспех курсы медсестер, мечтала лечить раненых. Она являлась в военкомат, но ее отослали обратно домой:

— Детей на фронт не берут. Подрасти сначала!

Очень уж она была маленькая и худенькая, совсем заморыш: мачеха кормила ее плохо.

Отцу ушел на фронт. Лидя, захватив скудные свои пожитки, пыталась пристроиться к проходившей через село части. Но командир сказал, полагая ей руки:

— Оставайся при мамаше, подрасти чуть.. До встречи.

Кто-то тем временем, пользуясь беспорядком, разбил зерно со складов, тащил из магазина кинчье бархато, а у Лиды сразу нашлась своя большая забота. Девушка перевозывала раненых, пострадавших от фашистской бомбежки.

А потом, когда пришли немцы, мачеха согласилась со старостой отправить Лидю в Германию. Лидя убежала в другое село и там завязала с подпольем. Расклеивала написанные от руки листовки.

— Правда, проку от этой работы вышло мало,—признается она.— Призывокетер мои руководил! Все главы подростков на верную смерть, держим каждый наш шаг под контролем. Спасибо добротному человеку — предудради..

Спасаясь от расстрела, она и прибежала к коваловцам, уже появившимся в Белоруссию. Лидя убежала в другое село по ночам, бесновывая о младших братишках. Порывалась забрать их с собой. Но рейдирующие соединения Ковалева быстро ушли от родных ее мест.

Постепенно Лидя привыкла к новой, партизанской жизни. Только перед воймой ей становилось на каковарьдья страшно. А потом, в бою, было уже не до себя: слышала повывалая, дотачить раненого до санчиста. Даже во время бомбежки Лидя вена себя споконко. Говорила подружкам:

— Если не убьют, разбудут..— и тут же засыпала, когда выдвигалась свободная минута.

Уставала она страшно.

— Но встречались еще струданости и другого рода..

— То было мне горе с любовью—

посвятившая одним глазами, рассказывала она мягким белорусским говорком.— была я тогда еще совсем глупая,— без матери выросла, потому к теплу тянулась. И вдруг нашла—таким людям меня добрая душе! То, думаю себе, добрая людица: они мне совсем как братья. Если страшно,—притиснул к его плечу.. Да только раз пришлось мне с этим «братком» всю ночь драться. Хорошо, хлопцы услышали, выручили меня.

— Все рассказываю: прощивание и вправду было андотическим.

— Разве ж можно своим положением злоупотреблять?— Лидя нахмурилась.— Совсем на войне особенно трудно, оно в каждой мелочи замечать. До сих пор не могу забыть случая, когда один наш горе-начальник большого хлопца согнал с повозки, а сам сел—кустал, говорит. И тот больше, хлопца Козля, подросток еще, три километра за подводой бежал.

У Лиды, словно она была пенатой, совести и словами эти ребята-партизаны, ажно заблестели глаза.

— Потом, в Карпатах, мы этого Козля хором проучили. Наш коллектив узнал такую заворбу выводит,—сказал Михаил.

— Само собой,—согласилась она.— Разве ж можно подростка обидеть? Это еще почти ребенок. Взорослее — те кто умарот, все понимают. А подростки — они так жить хотят, так во все хорошее верят! Не видят они перед собой смерти, даже когда она уже в голову стонет.. Впрочем, смерти и взорослее не очень-то болятс: слишком часто она рядом крутитс. После иного тажного бою, когда хоронят убитых, душам: «Хорошо их хоронят, с почтеном. А может, нас некому будет и в землю положит?»

И про весь, кто умер, кого навеки засыщает, попомни после бою в родную, а то и чуждеданую землю, вспоминает Лидя до сих пор с остротой не притищенной временем:

— Но иногда Лидя и сердитс, говоря о прошлом.

— Помните, как мы группу пленных отбили! Все обещавшие, едва ползут. Но чувет мое сердце: они нарочно ноги помозорили, потому что воевать не хотят. А тут еще, как на грех, застряли эти геранцы при переходе на маленькую дорожку. Ну что ты с ними сделаешь? Я и выругалась вдруг! Сроду такого не произносима. И удивительное дело: они сразу бегом помогли.

Заспорили о тех, кого Лидя запорядила в дезертирство.

— Они и вправду ноги помозорили,— утверждала мужичья.

— А чего ж я не помозорил! Сюю мне в худых сапогах, на одну портянку хорил.

— Даворят пять лет назад в Споцанском лесу под древнего Пугалева была сформирована небольшая отря, из которого впоследствии образовалось партизанское соединение «двужы Героя Советского Союза Савора Артевася Ковалева».

Боевые подвиги коваловцев, вписавших свою славу на страницу в летопись Великой Отечественной войны, были воплощением патриотических традиций всего советского народа.

Герой Советского Союза Петр Бряко, в прошлом участник знаменитых партизанских рейдов, и журналистка Оксана Калининко не только повторили героический маршрут соединения. Они повторчески по многим были партизанам, людьми интересными, самобытными, и решили рассказать об их теперешней жизни. Так родился книга о немудрящих хитростях и стурдностях — «Добрый бы человек из отря, из которой мы печатаем в этом номере. Полностью книга будет опубликована в ближайших номерах журнала «Октябрь».

— Так то ж совсем другой, юный организм! Люди привыкли к другому климату!— оправдывали их.

— Мало ли у кого какой климат! У нас в соединении тридцать самых разных национальностей было,—наставляла на своем Лидя.— Когда дерешься как надо, не замечешь!

Неожиданно кто-то сказал:

— Ты ведь замечал,—качество не врожденное. Это воспитание надо.

Но Лидя, добрая, отзывчивая, продолжала сердито перечислять, кто и когда был не ее глазами трусом.

— Один раз каким-нибудь поступком показывать перед начальством не так трудно. А чтобы каждый день да еще и когда нигде не видишь!— И твердо закончил:— Грешок только от egoизма бывает.

— Она имела право на такие слова. Ее собственное мужество иногда не было броским, эффектным, картинным,— оно просто делало свое дело независимо от того, легло это или тяжело.

— Сидел, в мороз, бросился в рину спасать раненых. Потом долго душит е кашель—чуть не отравил партизаны свою аватарку, лечь ве какому-то чертовым профрейнским кодом.. Но артевасийского рейда Лидя была равна в обе голени на вылет. Шла едва-едва. Будто каменные глыбы, переставала ноги. И все-таки шла, уступая место а повозке другому раненому товарищу.

— Выдумлю, я двукольную!— объясняет она.

Про такую доброту говорят обыкновенно «бывай, но и пусть..». Хватило бы в час испытания каждому солдату той мужской неподкупной доблести, с которой шло партизанское дело. Лидя все военные опасности и невзгоды.

У Лиды Яденко орден солдатских славы и партизанская медаль.

— Вот с этим орденком на тимастерке, привлекла всеобщее внимание, и вернулася Лидя после рейдов на Сан и Вислу к себе в Белоруссию, в Войничский район.

— Отговасясь, образовалась.. Захотелось мира, покоя, семьи.

— Выбрала я себе такое же зеленое, как сама тогда была. Землянка на лугу, под деревьями..

Жизнь начинали молодожены на пустом месте. Когда родился их первенец Витя, в хозяйство было всего три лошади, и два из них повали на пегенки.

И такими же да еще умудрялись помогать другим. Ведь кругом было тогда разруха..

Сот Михаил председателем колхоза в Березе. Длиннощип, худощавый, с лукавыми и добрым курносым лицом, это парень когда-то при любви бы утверждал: «Степенность, невозмутимость». Сказал, бывало: «Сядь—по голову, попоны—по бок и—если нет команды драться—

спид!» Но теперь, когда восстанавливали разрушенное воймой хозяйство, Михаил работал нервно, напряженно, без отдыха. Жил так, что о себе подумать было иногда. И становилс не угождать и говорила ему правду в глаза.

— Ну разве может хозяйство развиваться правильно, когда о людях забываешь! Безразличны даже у иных руководители в деле. Приведет, будет, к тебе такой деятель дело забирать, а ему еще по дороге глаза закипит.. Плавить ему на все!.. А сверку какому не разглядишь,—этими они и пользуются. Чтобы старые грехи свои оправдать—за «новшество» спрятаться старуютс. Ведь откуда у нас в районе пошла в свое время метод хозяйства укрупнять? Хозяйственников толковых воспитать непросто. Маловато их еще было в стране..

— А сейчас, когда в районом колхозе — две колхоза в одной! А еще неизвестно, доберется ли из одного в другой без вертолета. У нас, к примеру, двенадцать километров лесной территории, а в районе пошла в колхозе Лидя Яденко сразу неузнаваемо мухрыми.— Я и говорю прежнему районому начальству: «Ишь! Без сомнения, будет дело!..» Добродное ведь земли закреплены за ними на вечно.. После этого как пробка из колхоза вылетел. Поглода был без работы..

И отчего оно так получается иной раз? Проявит человек инициативу, заботься об общей пользе, а его угречат в партизанщина, работать в полную силу не дают. А подкалывают в чести куда. Сейчас их всех на «культу» списывают—есть в этом доля истины, конечно. Но ведь Двадцать лет назад..

Теперь Михаил Яденко заведует складом в Затогорье. Нелегкая это работа, особенно если лодя выдаскс морозом. Приним хлеба на пункт—сто или даже двести тонн в сутку, а сушила всего тонна на девяносто. И не должен погибнуть ни один килограмм.

— Нет, должность поинже, но и у нее хлопот достаточно. И еще दोд, семья—четыре детей. Четверо остались из семери.

— Так ведь иногда редкое дело: похороны! Потому всегда помню чужое горе..

Каждый может прийти к Лиде со своей бедой. Она поможет, только добрым словом, но и делом. На Лидино погочение присылают своих детшек родичи, друзья.. Шельный день, от темна до темна, Лидя на ногах, бодра, бодр и былым иногда прострелены, эти много тысяч верст исхощившие, солдатские ноги. И со всеми она лескова, приветлива, буднично, с достоинством.

— Ишь, какая молодость глаз. Доброта ее при всей прямоте и жесткости, которой обладает Лидя,



Боевое решение принимается на месте. На фото, сделанном в апреле 1943 года во время операции по уничтожению итератской военной флотилии: (слева направо) ординарец Ковалева — П. Скрипальский, секретарь ЦК Украины Д. С. Коргоченко, С. А. Ковпак, комиссар партизанского соединения С. В. Руднев, секретарь комсомольской организации соединения М. Андреев.

Двадцать лет с конца войны. И снова вместе бывшие друзья: П. Кишчицкий, М. Яценко, А. Беренев, П. Жолов.

проявляется и в желании восстановить справедливость. Лида не терпит, чтобы обижали хороших людей. Она, как и раньше в дни войны, заботится о каждом, кому нужна ее поддержка. Иной человечский, может быть, и злоупотребит таким ее свойством, но это все равно: Лида не в проигрыш. Лучше быть щедрым, чем нищим. А самая страшная нищета — нищета души.

Вместе с нами приехал в Хойники и Яценко из бывшей однополчанки, спокойный, медлительный учитель математики. В прошлом — Кишчицкий. Однофамилец земляк и даже родич того знаменитого Василия Кишчицкого, которого описал в «Людях с чистой совестью» Петр Петрович Вершинеро.

Кто хорошо знает обоях Кишчицких, тот относится к ним с одинаковым уважением. Оба они познакомились отбою, оба в мирные дни вернулись к своей гражданской профессии и стали преподавать математику в школе.

Петро Кишчицкий — человек очень скромный и наивно непосредственный — один говорит: «Василия! Он заслуживает учитель республику. И авторитет у него какой — его каждый знает. При такой работе Василь и инстинкт мог бы стать! Только не пускает его дальше нашей Речицы — один недостаток: любит выпить человек...». И если в корень этого дела посмотреть, так может, и не сам он виноват: ему из уважения подарили каждый угощавший — попойка! И от чего это в жизни такой кругорот получивается!

Под началом рассудительного, спокойного Петра Кишчицкого ковался Михаил. Теперь, когда стругом субординации отошла в область предания, а вселив, острый на язык Яценко подталкивает своего бывшего одноклассника:

— Интеллигент, все пушкини с себя да свалел! А двачет болелся — страшный! Мы же прямо удалялись: всяк только он воевал! Форменный интеллигент! Верхом ездит совсем не умел на первых порах...

Поняно, как пришел к и коваловщина, тоже, глядя на них, удивляясь, — серьезно заговорил Кишчицкий: — Отряды у них — как ветер в поле: то туда, то сюда... Однажды я увидел у покойного Вали Подольского, что то за война! Носимся, знай, на лошади!.. А Подольско — умнейший был парень, золотая голова — ты слышал: «Вот брат, слы, что мы повалились как раз там, где окуплены даже во нас не вывели!» Помолчали, вздохнули, вспомнил Подольско: жить бы таким клочком да жить! Один такой много ствол.

— Все зависит от человека, — вспоминает, но то времени, полном испепелит, уверенно сказала Лида — Я насмотрелся всякого. Но самое страшное, что я видела на своем веку, — это даже не кровью, не раненые, не смерти. Самое ужасное, незабываемое — это колонна наших воинов-полевых в сером парзового юга. Как сейчас это помню: целую колонну, человек двести, гнали два фрица. И еще встречных на дороге задерживали: «Рус, кто ступ! Куда идешь? Долго ли было их обезоружили».

— Да, — вздохнул Михаил, — папка — вещь страшная. Не зря говорят: веру потерял — все потерял. И всякий та колонна, о которой ты вспоминала, Лида, была собрана из одиночек. Народ наш не складывай рук! А ведь у немца в сорок четвертого реду — это действительно была панна. Целыми полками сдавались в плен. Помните, в Белоруссии, за Неманом, два наша полка из гвардейцев взяли в плен целую артиллерию! Не помню, кто именно, кажется, чуть ли не твой родич, Василь, тогда отличился, — обратился он к Кишчицкому.

— Разведчик возвращался с задания. Вдур видят, опущен человек... Лежит себе кубеч, человек пятнадцать, дремлет. Ребята подкрались и скомандовали: «Ауфштейн, ханда ханда! Ты спросишь и подыми руку. Хлопцы ответи ки подальше от оружия, говорят: «Я окружены!» А немцы от страды признались сразу: «Камрады, ком, сюда, мы есть много — целый полк! Все инк войско!» Они проводили наших разведчиков в расположение своего артиллерийского полка. Тот цинком сидел. Двадцать танков, пушек с боекомплектом снарядов, полтысячи солдат и офицеров. Хлопцы построили эти войк и привели прямо в наше расположение.

— Знаете что? — Петро Кишчицкий вдруг поднялся из-за стола. — Многие мы вместе пережили, но мне почему-то время всего запомнилось один, казалось бы, рядовой случай. Какое-то время бо население смешалось с нашими отрядами. Люди спушили язык в партизаны. Но потом некоторые испугались и пополнили обратно — в сером, — вместе немцами. И вот по тем, кто полз, немцы из пулемета шартели — А кто с ними пошел — уцелел...

— Так те немцы просто за себя боялись, — объяснила Лида. — Мало ли что им со страку померещилось! — И тутлиги по тем, кто струсил! — настояще повторил Петро Кишчицкий. — Хороший урод. И свет па — тот щель Я, как педагог, вспоминаю это с особым чувством. Заманательный урод!

— И сейчас наша партизанская борьба была таким жизненным уроком, — согласилась Михаил. — Знаете, во что может обиться трусость одного человека? Никогда я ваям про это не рассказывал. А теперь слушайте...

И слово раздалась стены уютного мирного дома — заглянули в горницу шумные горы, взрешенные ветриком, дескать Карпаты.

— Помните, как выхледи мы оттуда Соединение было измотано жесточайшими боями. Брэдма много по каминам, а камин эти вот-вот обвалится! Немцы совсем рдочно, почти параллельно с нами движутся. Днем в укрытии отсиживаемся. Наше маленькая разведгруппа двигалась сзади, прикрывая раненым. В полночь на остановке поднимался и выюк: ребята спят, а основной колонны уже нету! Задремал один какой-то разведчик, и не передав по цепочке команду «тротаться». Так и станиса мы сами по себе, при сестичи беляном. Была там, правда, еще вторая группа, но командир ее провалился, остался от своего отряда. А самое худшее, что он отказался от раненого. Конечно, и нам тогда лучше было бы пойти с этой ротой, для шустры своей выгоды. Только я же не мог простить раненку! Из было две, а нас, разведчиков, трое. Всего двенадцать, и автоматы не у каждого. Вот так обиделось нам самостоятельно действующий отряд. Долго мы блуждали; Холодовий Вася, как кажется, класный разведчик, но он не мог разобраться в этих извилистых горных тропках. И Романович ему, конечно, помогал, тоже наш земляк, белорус. Народ подобрался в этой маленькой группе в основном из одного села — из Дровен, нашего Хойницкого района... В горах мы опять встретили роту маневрирующего того подвела — только звеню ему рваный! Власти... Откариуся он от нас, будучи с посторонними на улице пострелася. А мы, делая телочку, понадевали гуашные кожаные штаны и вместе с нашими ранеными кое-как скатились с гор: кто на костыли опирается, кто держится за плечо товарища. Продагиваемся по прикорму на свой риск и страх. А голод подлизает так, что аж в глазах темно. Наконец достали как-то мы телку. Накормили сперва раненых. А нам, здоровым, осталось что поужевть: каша и кома...

Михаил Яценко вдруг неловким жестом вытер поткаившуюся по щеке слезу. Не оттого она выкатилась, что голоду звонит за собой: вай, Приходи. Не оттого, что жизнью своего много раз рисковал — повседневно и, может быть, даже ежесочно. А именно оттого, что бросил, предалив его тогда и вместе с ним окончательный дебет...

— Слезки мы, значит, ту шкуру до грамма, еле разжевал. Подкрепил его тогда и вместе с ним окончательный дебет...

— Приходи в деревню, спрашиваю: немцы есть? Были и пошли, говорят.

— Что было делать тем выжибшим из сил партизанам и их раненым невооруженным товарищам? Поели у

какой-то сердобольной тетки и дальше в путь — на равнину.

— На Станиславце, возле Чертова, ослесме после всего того, что понадали в Карпатах, махнули мы прямо через деревню. И вдур по средине улицы видны подковы. Бой затеять нехотел: у нас позиция в ренде, а войк, кроме нас, всего двое: Романович да Холодович. Перешли действовало под видом পুলিশчи, а в темноте পুলিশчи любимыми средствами разоружить. «Эй, привети — крикнули мы им... Мы из Чертова, к вам». Значит, мы вроде прибыли от начальника. Виднума подвествовала. «Дайте проверить ваши оружие», — предложили я. Они дали... Проказывали мы эти पुलिसчи, не желая поднимать лишнего шума и в побрех их... А сами подковы были дашня. Однако पुलिसчи быстро освободились от веревки и, видимо, позанимались немцам в этот самый Чертов. На следующий день мы перепорили на их засаду...

И все-таки добрался Михаил с товарищами к усложненному месту встречни раньше все. Никто из партизан в Понесав еще не видел, что коваловцы возвратились из Карпат...

Михаил один пешком отправился в свои родные Дровни. Люди, безвизия из села, жюри в лесу. Вскоре выяснил, да асидиним с красным лейтенантом на шалках.

— А мы, коваловцы, все были со звездочками. Хотя из-под земли, но доставали... с гордостью замятил Михаил. — Ну, стали меня звать, с лейтенантом, расспрашивать, кто я и все такое прочее. Только не поверили они, что я коваловец. «Слишком», — говорят, — вы легендарны. Проверить тебя сначала надо. Может, ты из немецкого десанта и намерено до того коваловца подделывавшийся... Тем временем Ковалов отряде, коваловцам в плен сдаваться. Повели они меня к командованию — а семью дикоую лесную глушь, в Ельсний отряд.

— Там, в Ельсском отряде, коваловцев было много: и офицеры, и рядовые, и даже коваловцы были. Мы все семья: я и онец, и даже младшие братишки.

— Там, в Ельсском отряде, коваловцев было много: и офицеры, и рядовые, и даже коваловцы были. Мы все семья: я и онец, и даже младшие братишки.

БУРОВАЯ ПЛЫВЕТ ПО КАСПИЮ

Б. СМIRНОВ,
Ю. АРСЕНЬЕВ (фото)

Специальные
корреспонденты
«Смены»

В музейных архивах сохранилась фотография: полуголова люди с ведром... стоит в глубокой яме. В яме нефть...

Впервые в мире нефть нашли на Апшероне. Она сочилась из сухой, раскаленной земли и дивила прохожих паломников: лечила боли в усталых ногах, герела в ночи ярким пламенем.

Впервые в мире нефть добыли из-под земли на Апшероне. Инженер Семенов в 1848 году построил первую вышку и пробурял скважину на Бибигэбате, недалеко от Баку. Нефть стала предметом продажи, назвими. В Баку уменючили свои капиталы тресты Шелла и братьев Нобель, французский барон Ротшильд.

Впервые в мире нефть стали переносить морем с Апшеронского полуострова. Недетализованное судно «Экспресс» в 1878 году своим первым рейсом сызало два тонна: нефть и вода.

Вода и нефть... Сейчас в этих словах — будущее Апшерона. Почти по-

ловина всей нефти Азербайджана теперь добывается в море. Дно Каспия, как слонный пирог, сплошь пропитано нефтью, но добыть ее очень сложно.

В одном научно-фантастическом романе за морской нефтью уходит огромный подводный корабль. Он опускается на дно, бурит скважину, добывает нефть и отправляет ее наверх в специальных шаро-резервуарах. Трудно сказать, осуществится ли когда-нибудь этот проект фантаста, но судно для морской добычи нефти уже создано. Правда, оно не подводное и выглядит менее фантастично, но в главном писатель был прав: история морской нефтедобычи сошла с киноном именно на судне-буровой.

Знакомство с этим судном началось для меня еще в Москве. Нефтяники из министерства сообщили сенсационную новость: «ПЕУ «Апшерон» скоро выйдет в море и встанет на ноги!» Поначалу во всем этом было только слово «Апшерон», которым, конечно же, могло именоваться только что-нибудь имеющее отношение к нефти.



Но если это «что-нибудь» плавает, то при чем здесь ноги?

...Бабу обескуражил от жары. Даже густая, мирная вода залила не пожелала плескнуться волной, когда пропелочный бусирин «Робеспьер» потонул за собой ПБУ из дома завода «Парикская коммуна».

ПБУ — плавающая буровая установка, первая на Апшероне и первая в Советском Союзе. Она и плавает и стоит на «ногах». «Ноги» — четыре огромные стальные трубы толщиной с толщину большого театрального стула. На этих колоннах, опущенных на дно моря, установка будет стоять где-нибудь в просторах Каспия и бурить скважины глубиной до тысячи восьмисот метров.

И-за «ног» плавающая буровая пришлось порядочно натереться от бакинских глэвчиков. Одни называют ее «островом на «ногах», другой — «стальной платой», третий предска-



Первая в мире буровая.



Вышка в море — символ геоиндустрии Каспия.

лет себе установку «очевиничио-интерпродюсе». В конце концов решили сравнить ее с первозданной табуреткой...

Сравнить ПБУ с чем-нибудь в самом деле трудно. Невозможно даже разобдаться, корабль это или нет. Поинманья на борт, я незаметно забил палашы «за» и «против». Борт, иллюминаторы, палуба, якоря, любки, люксы. Что еще? Рули, клапаны, трюмы, камбузы. Даже рында есть. В морской регистр судно занесено. Это все «за».

Потом приглядывался: нет, не корабль. Палуба прямоугольная — ни форштевя, ни кормы. Вместо башки арктическая плавильня, вместо юты буровая вышка. В рубине не койка и штурвал, а пульт управления с кнопками, переключателями и лампочками. Нет, простой подсчет предметов ничего не обяснит...

Море, как известно, не может жить без морина. Корабль и поданою. Значит, если номиналь установки считает себя моринем, вопрос решен.

Мы морине нефтяники — сидал молодой помощник буриньшана Тофин Кариева и этии ответои завел в тупин все мои логические доводи. И ноуи, собственно, они нулины, точное сравнения и оправданияи Корабль или «табуретка». Не в этом ступе. Между прочим, романтики морских трудностей бинедят перед тем, что приходится выносить салочим на буровых островах. Инонда ПБУ подбиралась из самых опытных, бывалых добытчиков нефти, и за несколько дней я услышал чулу невероятных историй. А о своей будущей работе они говорили обшрбно и сплюкнуи.

Тофину Кариеву 24 года. Студент, любитель литературы и музыки. Его друг, диригент Владимир Евдокимов, шутник и балагур. Застенчивый Алиппер Абдулаев. Неугомонный рассказчик буровой мастер Висселий Петеченко. Я примеривался и этии людьми здесь, «близи от берега», и пытался представить, какими они будут там, далеко в море. Иередили они будут жить на неподвижной буровой, а если зашторит, то и больше месца. Здесь

никуда не стринешься от глаз друзей, не строща своего характера, привычек... Плохой, случайный человек не уместится на морской буровой и двух недель. Недаром говорит, что нефтяники не профессия, а призвание.

— А все же танит на берег? — донтывался я у ребят.

— Еще как, иногда обменять хочется. На берегу дов, семья. Не дожидясь, пока за тобой матер придет, а погулывая идило на берег — и опять в море танит...
Нет, они морини, эти нефтяники! И душии, и характером, и складом своей неспоной жизни.

— В море любой пустыи поможать может, — обяснил мне начальник установки Мамед Дадашевви Дадашев. — Не горит лампочка над койкой — в человека настроение испортится, работать куже будет. Вот на свайных основаниях, где и раньше работали, бытовые возможности ограничены. На нашей установке есть все, что необходимо для нормальной жизни и работы. Больше того, проектировщики думали о комфорте. Значит, «Апшерон» — шаг вперед и в технике и в культуре жизни экипажа.

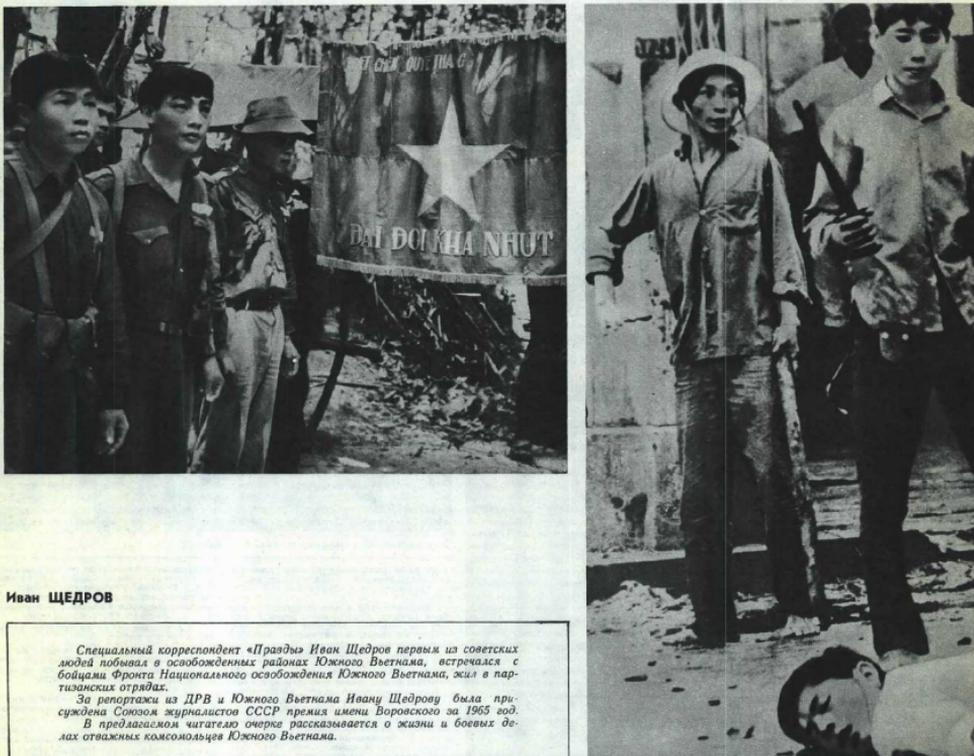
Да, «Апшерон» будет во всех смыслах показательной буровой. Недаром проходит дополнительные технические курсы, обучаются особенностям работы на плавающей буровой и ее автором инженером-механиком института «Гипроморнефть». И, наверно, мало где еще подберется такой дружелюбный коллектив самостоятельности здесь, как на поборт, почти все музальнты, певцы, художники, поэты...

Перед первым испытательным рейсом всю установку попросили. Нефтяники, ставшие на время моряками, прошлись инстинги по своим дальним углам отсеков. И кто-то — то ли я шутю, то ли всерьез — написал на своем «дурте» крупными буквами «ПБУ». В тот же день почти вся команда убралась свои шашки и котлии этии фирменным знаком. Фотограф попросили разок щелкнуть. Мирно эта фотографировали и в музейные архивы рядом со снимком первой буровой Апшерона...

Пробный рейс «Апшерона».



Репортаж



Иван ЩЕДРОВ

Специальный корреспондент «Правды» Иван Щедров первым из советских людей побывал в освобожденных районах Южного Вьетнама, встречался с бойцами Фронта Национального освобождения Южного Вьетнама, жила в партизанских отрядах.

За репортажи из ДРВ и Южного Вьетнама Ивану Щедрову была присуждена Союзом журналистов СССР премия имени Воровского за 1965 год.

В преобладающем читателе юмере рассказывается о жизни и боевых делах отважных комсомольцев Южного Вьетнама.

В худенького, среднего роста паренька оказалась очень почитная для жарких тропиков подполная клычка «Тхьян Фонг» — «Прохлада» вьетнамского вечера.

Биография мал совсем короткая, — говорит он, — родился и вырос здесь, в Сайгоне. Отец — преподаватель, мать — домохозяйка. Учился на одном из последних курсов Сайгонского университета. Иомсомонен. Вот, пожалуй, о себе и все.

Но это было лишь начало рассказа. Тхьян Фонг — один из руководителей негальной революционной организации Союза студентов за освобождение Южного Вьетнама. Он активный участник и организатор многих учебных боев, один из тех героев, которые вступают героически в борьбу на улицах двухмиллионного города.

В Сайгоне оною двадцати тысяч студентов и свыше ста пятидесяти тысяч учащихся. Тхьян Фонг, закономерно рассказывает о тяжелой жизни своих товарищей. Для того, чтобы получить образование, оною посевныи из них должны прирывать в простонах галет, работая официантами в ресторанах и даже ринцами. Но не всем это удается.

— Я лучше, — говорит он, — приведу

официальные цифры. В 1961 году на первый курс физико-математического факультета поступили 476 студентов. А на второй курс, перешли 130. Тех, кто требует демократизации образования, введены в духа преподавания на вьетнамском языке, мидет тюрьма, расстрелян.

Вы, конечно, слышали о расправе сайгонской охранки над преподавателем Ле Куанг Винем и группой студентов? — спрашивает он.

Я рассказываю Тхьян Фонгу о том, что в сентябре прошлого года «Правда» в корреспонденции «Непокоренные» рассказало о мужественном поведении Ле Куанг Вина и его товарищей перед лицом военного трибунала.

— Недавно, — говорит Тхьян Фонг после минутного молчания, — один из наших товарищей, выразившись с истерикой на острове Фулю-Кондор, рассказал мне, что видел Ле Куанг Вина закованного в кандалы, но не сдающегося. Ле Хонг Ты — продолжает он, познине голос, — убил. И таких примеров сотни, тысячи...

В начале этого года во время массовой антиправительственной демонстрации полиция убила 16-летнего ученика одной из столичных школ —

Ле Ван Нгюна. В ответ на это мы организовали похороны, которые вылились в демонстрацию протеста. И вот против похоронной процессии были брошены войска, завалилась неравная свеката. В час начали бросать бомбы со слезоточивым газом, загорели выстралы. В ответ повстанцы зарание припасенные на всякий случай в учебных сумках — камни, булыжники, лопки.

Тхьян Фонг молчит, словно что-то припомнил, а потом разговор заходит о роли молодежи в движении, о альянсе революционных организаций среди учащейся молодежи.

— Ты знаешь, — говорит он, — западные журналисты, рассказывая о молодежном движении в Сайгоне, изобретают студентов и учащихся как борцов против одной продажной клики в защиту другой. Но это не так. Мы боремся против американских интервентов и продажного проамериканского режима, за подлинную представительную власть, за программу, выданную Национальным Фронтом освобождения Южного Вьетнама. И мы не маленькая теоретическая группа, а подлинно массовая революционная организация. В большинстве школ, среди студентов, почти на каждом факультете мы сумели наладить

регулярный выпуск революционных газет.

Для нас, — говорит он, — Советский Союз — это Октябрьская революция, это Ленин, это героическая Отечественная война, это наши космонавты. В Сайгоне мы чутко через наушники транзисторов прислушиваемся к голосу всего мира. Очень были взволнованы выступлениями товарищей Брежневца, Косыгина и других советских руководителей в поддержку нашей борьбы, с волнением слушали слова о готовности советской молодежи прийти и нам на помощь в трудную минуту. Это голос друзей. Мы знаем советских людей, — и добавляет — Павел Корчагин (его имя он произносит по слогам), и герои «Молодой гвардии» знают и очень любят нашу молодежь, подполцины Сайгона. Им тоже было трудно, но они не боялись смерти и были мужественными до конца.

Темной летней ночью, свозь тропический ливень, когда в несконных шагах не видно человека, покая на прорванную руку, ушел Тхьян Фонг, беряно урвать на груди подорож — значок с силуэтом Юрия Гагарина. В Южном Вьетнаме действуют не только молодежные патристических организаций, объединенных в Ассо-



Бойцы прославленного полка народных мстителей «Лай-Хирон» — ударной части Армии освобождения.

«Мы отомстим!» — кличут молодые патриоты на обаяренных кровью саюмских мостов.

Патриоты сельских пригородов Сайгона. Снимок сделан за несколько часов до выхода на операцию.

циацию молодежи за освобождение Южного Вьетнама. В нее входит Союз народно-революционной молодежи (юнонкетанский комсомол), Союз учащихся за освобождение Южного Вьетнама, Союз студентов за освобождение Южного Вьетнама и пионерская организация (действует только в освобожденных районах). Самые ста тысяч молодых людей сражались сегодня под знаменами этой боевой организации.

Много это или мало? Руководители молодежных организаций отвечали мне так: это, конечно, немало. Но это и не очень много. Есть большие резервы. В Южном Вьетнаме около 3 миллионов молодых людей, в том числе свыше 100 тысяч рабочих, около 30 тысяч студентов, сельская молодежь. Патриотическая молодежь богата боевыми и революционными традициями. Первыми организациями, предшественниками коммунистической партии в стране, в 20-х годах были молодежные коммунистические союзы. В отличие от ряда других патриотических организаций молодежь не прекращала нелегальной борьбы и после 1954 года, хотя название приходилось менять не раз.

В сельские пригороды Сайгона для встречи со мной на оккупированного

города пришли руководители сайгонского молодежного подполья. Председатели сайгонского комитета Союза студентов за освобождение Южного Вьетнама оказались высшей, активнейшей формой сложения парня. Охрана знает его под именем Ля Шань Лон. На вид ему не больше двадцати пяти. В 1961 году пришлось уйти из университета и скрывать имя. В начале 1962 года Ля Шань Лон был избран вожаком сайгонского революционного студенчества. Он рассказал, что на всех факультетах сайгонских вузов действуют нелегальные организации, которые занимаются пропагандой, принимают активное участие в бурных политических выступлениях. Об остальных писать еще не настало время. На прощание он подарил несколько изданных подпольно студенческих журналов. Они были пропиты пудрой, сельские, выразившиеся через изгородь толпы в засаду. Лишь после омовенной перестрелки им удалось уйти.

Товарищ Хай (Второй), один из руководителей сайгонской Ассоциации учащихся за освобождение Южного Вьетнама, худенький, небольшого роста молодой человек, до сих пор имеет легальное настоящее имя и продолжает учебу. Хай и рассказал мне,

как однажды сайгонские подпольщики, записав по передаче московского радио на вьетнамском языке выступление одной из московских студенток в поддержку Борьбосоюз Южного Вьетнама, затем распространили по городу.

Несколько раз встречался и с комсомольцами Сайгона, бойцами диверсионных групп, действующими в погоне врага. Больше всего меня в них поразила уверенность в победе, непоколебимость, смелость. Национального героя подпольщика Нгуен Ван Чоа воспитала сайгонская комсомольская организация.

Встреча с руководителями юнонкетанского комсомола состоялась несколько позже. Возле большой поляны в глубине джунглей — большой друшский навет из морщинчатых листьев. Под ним длинный дощатый стол. Это — зал для заседаний. Прямо передо мной сидит Нгуен Ти Чунг, член ЦК НРМ, а справа — Танг Ан Зунг, заведующий отделом по работе среди учащихся ЦК НРМ. Им поручено создавать митинги о боевых и трудовых буднях юннкетанского комсомола.

До марта 1965 года все время делами руководил временный ЦК во главе с товарищем Ле Чунг Тием, который

продолжал очень большую работу по строительству и укреплению рядов этой боевой организации. С 1 по 28 марта 1965 года в глубине партизанских джунглей проходила первая Съезд народно-революционной молодежи, на котором присутствовали делегаты из всех районов освобожденной страны. Повестка дня была напряженной: отчетный доклад о боевых успехах за 10 лет, первоочередные и перспективные задачи, выборы нового устава, избрание руководящих органов.

В ходе бурных обсуждений все единодушно подчеркнули ту важную роль, которую комсомол играет на разрез и помощи партии. После многодневных слушаний были выработаны и четко определены боевые задачи, первоочередные задачи и слоганы в строительстве новой жизни в освобожденных районах, версты антиянуэ в борьбу за объединение и сплочение одау боевой организации юннкетанской молодежи.

Было принято, подчеркнул Нгуен Ти Чунг — важное решение о разветвлении молодежного авангардного движения отрядами, которые будут использоваться на самых трудных участках подполья, фронта и тыла. Лозунгами добровольцев этого движения стали: быть в первых рядах добровольцев Армии освобождения, бойцов, обслуживающих фронт, в политической борьбе; быть за правое дело в крестьянских союзах. Главной задачей движения — мобилизация всех сил победы над врагом.

Съезд избрал свой боевой штаб в составе 10 человек. Секретарем ЦК был избран Ле Нгуан Тхань, известный деятель освобожденного движения. В год первого Сопротивления он был вожаком комсомола в Ми Тхо и делье Меконга, а затем в 1954 года действовал в рядах революционной подполья. Ле Чунг Тань был заместителем секретаря. Одним из членов ЦК был избран и Нгуен Ти Чунг. Сейчас ему около сорока. Начал он борьбу еще в пионерской организации в подполье. Боролся за дело Ани Августовой революции. В 1947 году в Ми Тхо был избран председателем анималистического комитета комсомола. Его товарищ Танг Ан Зунг принял участие в политическом движении в 1954 года, когда ему едва исполнилось шестнадцать. В 1961 году их организация была раскрыта, и он покинул Сайгон.

Роль молодежи в революционном движении исключительно велика. Четверть пятак всех армий — это лучшие вооруженные силы, большинство подпольщиков — молодежь. Часть ее уже вступила во взрослые организации, и именно потому не всегда можно по численности молодежных организаций судить о роли молодежи в освободительном движении.

Рассказывая о самом движении, его развитии, о том, как оно выстояло десятилетия на два этапа — до 1950 года и после. Особенно большие возможности революционной организации понесли в 1959 году, когда старыми удачами — молодежь — для провозгласить в Као Лань была арестована. В 1961 году их организация была раскрыта, и он покинул Сайгон и другим городам. Лишь с 1960 года постепенно началось восстановление движения.

Боевые дела юннкетанского комсомола говорит ее активное участие в борьбе с партизанами, оно добровольцами районов комсомольцы выдвигают деревни, где движение еще не было. Здесь партизаны, около половины молодежи; «нормальные» подпольщики — молодежь — также участвует около трех четвертей молодежи и отличные, передовые деревни, где почти все население организации в руках ветры борьбы против инородцев. В последние десятилетия в Южном Вьетнаме и всей уларной территории страны — это были молодые люди. За шесть лет войны подняты сотни тысяч гентаров целинников, десятки тысяч солдат и офицеров. И в строительстве новой жизни, как поощряется, в последние десятилетия. Только в одной провинции Би Чэ в 1964 году было построено и введено в эксплуатацию около четырех тысяч молодых крестьян-революционеров.

В последний день войны мы покидали партизанский край, на стене крестьянских домов висели плакаты лозунг юннкетанского комсомола: «Страны трудящихся молодежи! Мы пойдём вперед! Родина освобождена! Революция превьше всего!»

Навстречу лавине



До станции Тюв-Ашу Южная над неслоило часов ехать из Фрунзе на машине, а потом, миновав теснолюбовский ветровой тоннель, забираться по узкой горной тропинке на лошади или пешком. Из темноты длинного и прямого бетонного тоннеля, пробитого в самом сердце перевала, ты вырвешься на белый свет. Первый искристый снеговой громадой похитнет над головой. Лавинная станция на томном склоне его отлучается от остальных станций на дороге. Фрунзе — Ош тем, что еще выше ее, почти на самом гребне узкого Киргизского хребта, есть маленький дощатый домик, громко именующийся высотой лабораторией.

Владимир Михайлович Кондратенко, начальник станции, высокой и упругой спорит с инженером Мишей Щербовым. Предмет спора — сапоги. Хорошо бы Миша отдал мне свои сапоги, — они дряблые, а мои — надо — не вышел свои носки. В конце концов Кондратенко велит мне на склад, чистый и прибранный, как у радательного рогатого калтанармуса. Радами висят но-

вые полушубки, валенки, стрихоночные веревки. В углу бирками наружу лежат сапоги «БУ». Из них Владимир Михайлович пытается подобрать подошвы.

— Вот эти подойдут! — Так у них порошка совсем отвалилась! — Вы же на лыжах пойдете, подошва к ним и пригодится... В окнах светит рассвет. Кондратенко сидит оформлять бумагу. Мы с техником-гидрологом Славой Григорьевым идем в рюкзак хлеба, макаронки в кувале и две консервные банки — с мясом и маслом.

— Вот здесь распишитесь, — останавливает нас Кондратенко, покончив с бумагой. Дословно она гласит, что мы направляемся и высотной лабораторий, снабжены теплой одеждой и обувью, спальными мешками и продуктами на два дня. Что группа надевает двигатели согласно приложенной схеме и что документ составлен в двух экземплярах.

Провокант нас со Славой еще станция — Миша с женой Лидой, Боря Риевский, инженер и давняя моя знакомый Вячеслав Яблоков, лавинщик-снегомерист.

Замера снега... Солнце уходит за горы, а работа продолжается.

Мы проходим мимо метеоплощадки и начинаем медленно взбираться на склон. Снег сполонно полбежит к склону огибаясь. Но Слава мрет, осторожно передвигая лыжи. Станция внизу постепенно уменьшается — это уже совсем крохотный домик, утопающий в сугробах, с реденной пачкой антенн.

Вдвух снег под ногами улетит и оседает. Стреляющая трещинка очерчивает границы уплотнившейся толщи — что-то около трех-четырех гектаров. Высота снежного слоя — не меньше двух метров. Если весь этот снег, встревоженный нашим присутствием, вздувает обрушится, грянет огромная лавина.

Обычно лавинами называют снежные обвалы. Под действием собственной тяжести, резкой перемены погоды, жгучей солнечной радиации нарушается сцепление между снежинками. Верхние слои приобретают как бы гладкую и скользкую подстилку, и в какой-то момент они приходят в движение, устремляясь к долине, захватывая огромные площади снега, поднимая камни, вырывая с нормем деревья, сметая со своего

пути все, что может им противостоять.

Когда Ганнибал шел со своим стотысячным войском через Альпы, намеревшись ударить в спину римским легионам, он не подозревал, что войдет в историю не только как знаменитый полководец, но и как великий неудачник, потерявший почти половину своих воинов не от меча врагов, а от снежных лавин.

Снежными обвалами заносит людей такой же ущебр, как ураган, шторм, засуха, землетрясение. В средневековые времена Альп приниципали лавинами подвосту ведам. Перед пасхальными праздниками они заставляли в снег освещенные подари, надеясь уникоситнуть неостую и слеую стено. Во время первой мировой войны здесь проходила нтало-австрийский фронт, и снежные обвалы, вызванные канонадой и выстрелами, покоронили тысячи солдат. У одного из счастливых иувлевших, Матюса Здрского, врачи обнаружили всемирный ст четыре перелома ноетей. Одинадцать лет пролежал Здрский в постели и, выжив, поплыл всю свою жизнь посвятить борьбе с этим бедствием. Он-то

и выработал первую методику исследования лавин.

В нашей стране лавиноопасны горные районы Кавказа, Тянь-Шаня, Винометными собриями, взрывчатой соудриками лавинных станций научились искусственно обривать снежные карнизы и этим ослабить разрушительную силу лавин. И вот там, куда мы идем, сполось много снега. Они нависли над дорогой и порталом тоннеля. Когда им вздувается рожуиуть? Какова будет мощиость лавины? Сильно ли порубежит взрывчатку, чтобы снега стонуть с места, унести их от портала и дороги? Ответы на эти вопросы замеры, которые выключают в себя десятни больших и малых чещел. Число взбит эти замеры нужно подтянется по шаткой толще снегов и высотной лабораторий, там определить температуру слоев, их плотность, состав, мощиость, механическую способность двигаться и т. д. И уже потом вывалит обвал.

Снег под ногами лжет, как пугль. Лыжи проваливаются, по ноново указуют ноги. То пугль, то там ухают сугробы. В эти мислования «сердце уходит в пятки». На

четырёхкилометровой высоте испросяла мало. Легкие со скрипом втягивают воздух. В горах парит и колот. Кружится голова. Невроз и торопливо проваливает сердце отравленной высотой провоз. Ты чувствуешь себя лёгким и старым. Ты сомневаешься, что у тебя вообще есть силы. А ещё — вдруг снег тронется? Ты, конечно, не успеешь развзвать обледеневшие брезентовые ирландия и сбросить лыжи. Лавина захватит тебя, как былинку, задушит, исковеркает, сохртит в порошок.

Снава останавливается. Смотрится в дисти. Мы составили большую ирландию. Если кто-то из нас падает в лавину, другой уверенохтается, попытается спасти. Я видел охваченных, как человек не мог вырваться из снежной круговороти. Лавина засасала его в своем бездонном чреве и раздавляла тысячными прессом.

— Здесь трицинии — прозиснос Слава.

Ити по трещинам — гильдо дело. Отглядываеся назад, на свою крохотную станицю. Там за нами следят ребята. Слава стреляет желтой ранетой, привлекая внимание.

— Снег сильно подвижнаний — кричит он, сплюсывая лыжи рупором.

И Борис, и Миша с Лидой, и Веня Яблоков молчат. Могут быть, тихо переговариваются между собой. Видим, из долина выходит Кондратенко и находит выход:

— Следуйте согласно схеме.

По схеме пройти нельзя. Мы хорошо чум этот путь — ещё более уютной и опасной. И кто эту схему выдумал и нанес на бумагу? Ручаюсь, се не мог составить тот, кто шел сам.

Мы надуваем схему — доносится до нас голос Юндратенко.

— Идите-ка вы, Владимир Михайлович! — кричит в ответ Слава.

Вообще Слава спокойный и выдержанный. Он никогда не показывает гласис, все чувства у него скрыты. Но тут он не способен сдержаться. Слава — дрянй. Мы сворачиваем в сторону и начинаем подниматься лесеном, уже не слушая, что кричит нам Кондратенко. Светозащитные очки запотевают. Трудно идти...

Осадед Радом, у самого края темелых горных лыж, трещине. Самый догрозный голос Славы:

Ненд!

Сварку сильный шепсет. Клубясь, взвиривая снег, наращивая скорость вчетис на нас лавина. Что есть силы налагаю на лыжи, но лавина течёт в снегу. Я отталкиваю бархатцы, лезу и спастись от сильного. Шпелсет переходит в грохот. Камешки, снег уже над самой головой. Принимаюся и камню. Рядом тижело дышит Слава.

Но лавина цадит нас. Она прощом, вздувается, полугулет. До сналы не дошла, зацепилась за астргутри, надутые боковья ветром.

Весь силой в трещинах. Печет сильно, проникла в снежную толщу, нарушая сцепление. Мы в ловушке. Ити наверх по отвесным скалам — круто. Вправо — трещина. Влево — тоже. Назад. Снял лыжи, мы сидим на камне, подставив лицо теплому и немному солнцу. Вот сейчас впринх, что где-то есть лето, послезавот фруйти, хлеб, виноград. А там, где лаборатория, дует морозный ветер, клубится зиняте тучи. Момент, подается вечера и уже потон тити дальнее! Вель, дескит тепло и споконной. Страх постепенно приходит.

Водохну, Слава сплезает с камня и надевает лыжи.

Идем по сыпучему, как сахарный песок, снегу. Идем ежавазда. От одной силы к другой.

Снежная пороша тысячько мит приваляет в руки и лицо. Гребень с одной, стороны оголенный, каменистый. С другой — наивс снежный карниз. Гребень ведет нас к долине лабораторий. Отсюда да видна станция Тюр-Ашу Северная. Томе крохотная, с паутинкой антенны, с квадратником метеопункта. На одной станции мандаланков ребята Володед Лейбин — москвич, вловившийся в горы Тинь-Шане на всю жизнь. Я видел Володед на Нильчичке, совсем не исследованной ранее леднике в районе самых болдыжк тиньчаньских вершин Хан-Тенгри и пика Победы. Он удивительно смелым, мог расскзывать, как удирает от лавины, как тонул в ледяной воде Сарыдамаз, как с ноюном, обсабеленный от голода, лез на крутормого диного барана и замержал в снегу у пика Нансенана.

Товариш неизвестный муб с хорой сожженных губ Поидет на кручи, как домой. Снятая ледоруб...

Невысокого роста, с бордовой а-я Гасрикх с китриными зеленеватыми глазами, с доброй, ласковой улыбой от наломывает Николай Васильевича Максикова, начальником всех лавинных станций Иргизтиси. Николай Васильевич исковеркал всю Кольму и Дальний Восток, открывал станции на Памире, исследовал ледники на Тинь-Шане. Не раз душили его лавины, не раз срывался он с ледных круч, но раз бедствоза, попав в паволодые стонущих горных рек. Но остался таким же сильным и бордым, как прежде, открытым и смелым, откровенно замстляным и юности.

Отсюда, с гребня, за морем плавающий аини обора и уходит к лоту — к месту, где складывается снег. Он берет лунку, рассканя снежную толщу, и в темноватой спущенной лавине спова узнает о тех закономерностях, которые вызывают лавины. С лотка хорошо видно место, куда вытекли лавины — коробочка портала, лента дороги с медленно ползущими гугуаньскими и автобусами. Через три часа, через шесть, через девять Слава берет повторные замеры. Он пишет наизусть, выводит ирландию будущего обвала. Если окажется нужно, то ребята внизу подползат под бривох снегов зарычатку и сплутают портал и дорогу.

В домини становится теплом. Исчезает иней. Мы снимаем куртки и шерстяные фуфайки. Теперь мыть можно. Доинк облат тишиной. Только постанывает ветер, шуршит поземка. В быстро темнеющем небе загорются желтые звезды. В этот мит наместис, что авеличе год можно обяснить тем, что природа сама дадувала лавины их павантником, как древние египтяне — пирамиды Хепса. И ничто уже не тревожит: ни сапоги с отравленной подошвой, ни лавины, ни брезентовые уключие крепления.

На Тюр-Ашу замораются огоньки. Ребята, которые минут в горах и обо всех событиях узнают только по радио, наверно, мит сейчас волну «последних новостей». Юннюю станицю закрывает от нас гора. Мы видим лишь бегущую свелчанику автомобильных фар на дороге. Эти огоньки свелчаником и расскзывают о том, что жизнь внизу идет своим чередом.

Вот и доинк высотной лаборатория. По бревенчану, по дощечке сюда, на заргнвом хребте, поднимали все Борн Ревесский и Миша Прохоров. Доинк тесен и выстучен. Спальные мешки покрыла изморозь, оставленный в миске хлеб заледенел, в шель двар наддуло снегу, он лет струсим.

Мы шивтаем снег, занимаем приборам, рассталаиваем

печку... Слава берет термометры, коробочку вытгомера и уходит к лоту — к месту, где складывается снег. Он берет лунку, рассканя снежную толщу, и в темноватой спущенной лавине спова узнает о тех закономерностях, которые вызывают лавины. С лотка хорошо видно место, куда вытекли лавины — коробочка портала, лента дороги с медленно ползущими гугуаньскими и автобусами. Через три часа, через шесть, через девять Слава берет повторные замеры. Он пишет наизусть, выводит ирландию будущего обвала. Если окажется нужно, то ребята внизу подползат под бривох снегов зарычатку и сплутают портал и дорогу.

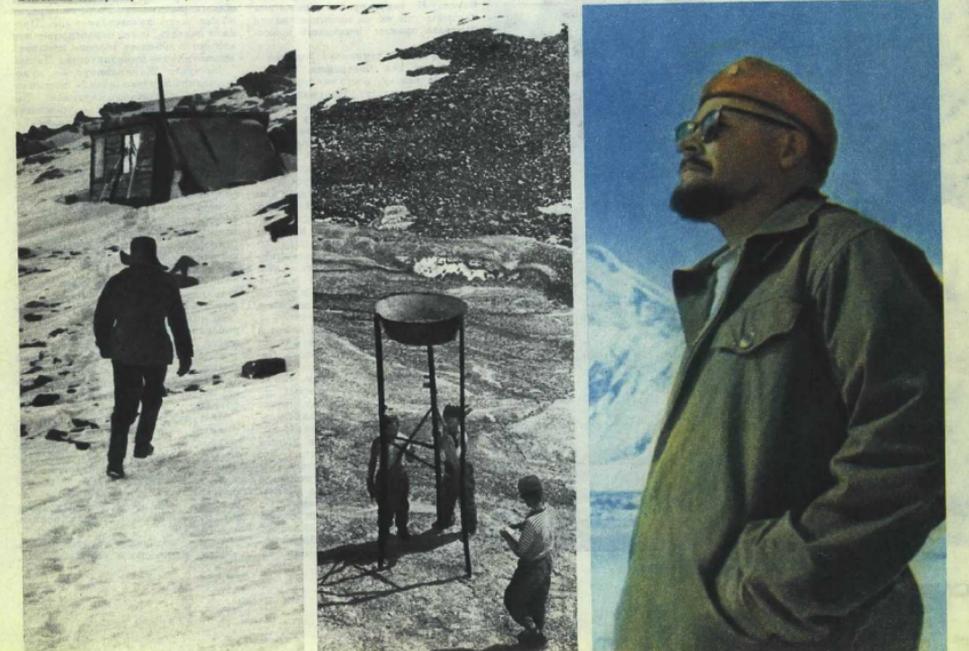
В домини становится теплом. Исчезает иней. Мы снимаем куртки и шерстяные фуфайки. Теперь мыть можно. Доинк облат тишиной. Только постанывает ветер, шуршит поземка. В быстро темнеющем небе загорются желтые звезды. В этот мит наместис, что авеличе год можно обяснить тем, что природа сама дадувала лавины их павантником, как древние египтяне — пирамиды Хепса. И ничто уже не тревожит: ни сапоги с отравленной подошвой, ни лавины, ни брезентовые уключие крепления.

На Тюр-Ашу замораются огоньки. Ребята, которые минут в горах и обо всех событиях узнают только по радио, наверно, мит сейчас волну «последних новостей». Юннюю станицю закрывает от нас гора. Мы видим лишь бегущую свелчанику автомобильных фар на дороге. Эти огоньки свелчаником и расскзывают о том, что жизнь внизу идет своим чередом.

Начальник всех лавинных станций Николай Васильевич Максиков.

Высотная лаборатория — страж горных лавин.

Устанавливают осадкомер.



СЕРВЕТИК ДЖАКА



Кинорежиссер Витаутас Жалакявичус.

Ровно, пожалуй, встретил такое произведение искусства, с такой счастливой биографией, как у фильма Витаутаса Жалакявичуса «Ничто не хотел улетать».

Фильму не исполнилось еще и года от роду. Совсем недавно он вышел на широкий экран. И тем не менее он уже собрал шесть премий. Впервые фильм был удостоен награды на традиционном кинофестивале прибалтийских республик, Белоруссии и Молдавии. Картина признана лучшей среди показанных на этом ежегодном смотре. На состоявшемся через несколько месяцев в Киеве Всесоюзном кинофестивале — он проводится один раз в два года — картина получила сразу три премии. Она снова была признана лучшей. Кроме того, Жалакявичусу вручили приз за лучший сценарий, а актеру Донатусу Балкявичусу — за лучшее исполнение мужской роли. Примерно через полтора месяца Донатус Балкявичус пришел еще одну награду с этой же «Формулой» — на этот раз уже на XV Международном кинофестивале в Карловых Варах. К тому времени режиссер картины уже носил почетное звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Витаутас Жалакявичус родился в 1930 году. Его биография проста. Окончив школу, поступил на медицинский факультет. Прочувствовал три года и был отчислен по собственному желанию. В 1951 году успешно выдержал конкурсные экзамены во Всесоюзный государственный институт кинематографии. А ровно через пять лет на экраны вышел его первый фильм. Жалакявичус дебютировал в кино своей дипломной работой — десятиминутной лентой «Утопленник». Режиссер сумел смешать зрителя: сюжет коведия и в самом деле был потешным. Однако заставить зрителя запомнить себя Жалакявичус не смог: анекдот, положенный в основу «Утопленника», был с «бородой», а режиссура в фильме просто обескуражила своей неоригинальностью.

Однако не очень удачный дебют в области комедии нимало не смутил начинающего кинематографиста. Похоже было, что он и впредь собирается стать комедиографом. Когда постановщик комедии «Золотые паруса», предчувствуя провал, отказался продолжать работу над фильмом, Жалакявичус с энтузиазмом берет за себя его. Он залово переписывает почти всю картину. Но, увы, она не становится от этого лучше. «Так закончилось мое второе и последнее покушение на комедию», — вспоминает режиссер.

В поисках материала для своего следующего фильма Жалакявичус обращается к литературе. Пожалуй, даже не стоит называть роман, на

котором он остановил свой выбор. Жалакявичус обобщает с первоисточником без особой почитательности. Это было скорее оригинальное кинопроизведение, нежели экранизация. Правда, «оригинального» в нем было не так уж много. В «Адонисе» был весь набор образцовых сюжетных ходов и положений, которые неизменно присутствуют в последующих произведениях, рассказывающих о поисках человеческого счастья в условиях буржуазного общества.

Но было в картине и другое — стремление режиссера найти свой кинематографический язык, на котором он мог бы говорить со зрителем о вещах ему дорогих и близких. Молодой кинематографист стремился овладеть «глашой» экрану, поэтическим мышлением.

В 1958 году имя Жалакявичуса снова появилось на экране. В титрах «Живых героев» он упоминался дважды — как художественный руководитель картины и как постановщик одной из новелл (картина состояла из четырех самостоятельных короткометражных). «Живых героев» имели огромное значение не только для творчества самого режиссера, но и для всего литовского кино. Принято считать, что это справедливо, что именно с «Живых героев» началось национальное киноискусство Литвы. Витаутас Жалакявичус — художественный руководитель постановки мог гордиться картинкой. Витаутас Жалакявичус — режиссер в «Живых героях» потерпел неудачу. Его повелла о счастье, о золотом детстве, заморившая фильм, оказалась самой слабой.

Неудача короткометражки была «запрограммирована» в сценарии. В нем было много неизвестного, не было тревоги, не было сложностей свежей мысли. Маленький герой повелли являл собой образец умудренного, сложившегося человека, готового и желая, знающего все на сто лет вперед.

В 1959 году «Живые герои» представляли на Международном кинофестивале в Карловых Варах советское киноискусство. Фильм демонстрировался без заключительной новеллы: буквально за несколько минут до показа, уже в провальной будке Жалакявичус просрдал, а Неудача подказала решение, которое станет правилом: ничего не делать пошло.

Наступила пауза. Длительная, затяжная, в несколько лет. Другая шутила, но в их шутках сквозила тревога: зрители забудут тебя. Но Жалакявичус упорно не хотел «никто не делай» похода. Его новый фильм появился на свет только через пять лет после «Живых героев». Этим фильмом была «Хроника одного дня».

Фильм создавался трудно, иногда просто мучительно. «Каждый раз,



Когда мастера спорта Виктор Шалкин и Александр Васин сблизились и взяли за руки, расстояние между нами было всего 2 метра.

ЗЕМЛЯ КОМАНД ДУЕТ. САМЫ ДАЛЬ ШЕ!

Фоторепортаж Сергея КИСЕЛЕВА

Почти у каждого человека есть какая-нибудь особая страсть, увлечение, которому отдается все свободное время. Одни коллекционируют марки, другие готовы прожить всю ночь под проливным дождем на роблоке, третьи предпочитают смотреть на мир только через объектив своей фото- или кинокамеры. Фото- и кинолюбителей у нас сейчас великое множество. Но, пожалуй, самым удивительным, самым бесстрашным из них следует считать известного советского парашютиста, заслуженного тренера РСФСР, мастера спорта Сергея Киселева. Он выпрыгивает за борт самолета и снимает своих товарищей, остающихся наедине с небом. По просьбе «Смены» Сергей Киселев подготовил фоторепортаж о фееричных прыжках парашютистов. Сейчас он участвует в съемках кинофильма «Туманность Андромеды», в котором запланировано множество воздушных трюков. Это будет довольно трудная работа: ведь тяжелую широкоформатную камеру придется закреплять на шлеме — в руках ее не удержишь.

Так увлечение становится профессией.





Это так называемый «крест». Я смилал его сверху, примерно с 10—12 метров.

Лечу в самолете, любуюсь рыжким осенним лесом, посматриваю на сидящих рядом ребят. Еще минут пять, и они поодиночке окинутся в прозрачное холодное небо. Гинутся вниз, выглядывая в какающийся отсюда совсем небольшим белым знк на земле. Там лежит «стрела». Там судьи, вооруженные мощной оптикой. Там условным знаком показано, какой комплекс фигур надо выполнить.

Сидящая за мной спиной девушка шепчет: — Лева я спираль, права я, сальто... еще левая, правая, опять сальто... В такт словам она поворачивает голову влево, вправо, чуть вверх. Остальные сидят молча. Но по их сосредоточенным лицам ясно: они тоже «пропрыгают» порядок фигур. Потом, в стремительном полете к земле, эти «левая... правая» воплотятся в энергичнейшие развороты тела, в глаза замелькают размазанные контуры лесов и полей, небо, снова земля... Подходит моя очередь. Еще раз проверю свою

«Зенит». За секунды свободного полета я должен успеть сфотографировать в воздухе трюки прыгнувших передо мной ребят. И все же ловлю себя на привычной мысли: «А что там выложится, какой сигнал?»

Привычным толчком ухожу за борт. Поднимаю голову, проаживо взглядом удаляющийся самолет. Кто-то из двери машет мне рукой: мол, там повнимательнее. Группируюсь для разгона. Скорость растет. Не земля — сигнал. Левый комплекс. Это те самые «левая... правая». Руками упираюсь в тугую поток воздуха. Телом я прохожу «столетровку» за две секунды.

Я лечу! Почти как в детском сне. И ко мне подлетает человек-птица. И еще один и еще... Пузырями вздымаются рукава комбинезона, жесткий поток воздуха искажает очертания лиц. А люди-птицы сблизжаются, берутся за руки и улыбаются. Улыбаются прямо в объектив моего «Зенита». Я держу его в руках, и ремешок больно бьет меня по подбородку.

...Последнее сальто. Секундомер показывает, что прошло 28 секунд. Пора. Открываю парашют. Вот и все. Тишина. Не ревет на басовых нотах ветер. Чуть покакивает, словно на качелях, парашют. Подо мной еще 700 метров воздуха. Позади 1300 метров падения.

Но ведь редкция просила меня не только рассказать о прыжках, но и передать как-то чувства, переживания парашютистов. Пытаюсь кло горячим слезам разобраться в своих ощущениях.

Страх? Его попросту нет. Я ведь не новичок. Волнение? Да, как у любого стертующего спортсмена.

Удовлетворение? Что ж, прыжок удался, кажется, успел сделать четыре кадра, не меньше.

Но есть еще какое-то чувство, не поддающееся точному определению. Оно возбуждает, волнует, приносит глубокую душевную радость. Раз издавая его, человек вновь и вновь тянется к небу.

Ну, а этот кадр комментаторше не требует. Свободный полет закончен, идет приземление. Мой парашют тоже раскрылся.



каждый раз, когда я приезжаю в Пискаревский Таган и вижу в детский дом, на подходе к горе, где высятся его постройки, сердце начинает биться сильнее. Возвращаюсь туда, где оставил свое детство. Все знакомо, все было: ослепительный отблеск солнца в окнах школы, рисованная мелом на асфальте куравая голова с микроскопическим ртомиком, кирпичная громада заброшенной постройки, летящая по дорожке фигура воспитанницы...

Жаль, что прошло все это. Странная, необычная, фантастическая жизнь... Где еще увидишь такое? На какие черствы, пропавшихся скансы, лоскуты рваной кожи, рвануты височных вен березы.

Вор гребется мостовая, уходящая в туманную даль. Здесь маркированная вой колонной, готовясь к первомайскому параду, а Лужик стоял на обочине, выкрикивая и задирая голову, отдавая честь. Вот аллея, усыпанная маленькими и крупными, как копейки, листьями акации, по которой Лужик уходил домой, но топорасы, задушено глядя под ноги.

Странно это дело: обуживать с человеком.

A. ТИХОМИРОВ

которого давно нет на земле, вылезать в памяти это лицо, фигуру, походку...

Листья все так же сваливаются на песчаную дорожку, ветви акации покачиваются на ветру. И вдруг на мгновение кажется, что они все еще покачиваются вперед еще, хотя уже много лет назад они в последний раз, уходя, задела их плаком.

Он был нашим воспитателем. Тогда еще не было просторных, светлых интернатов. Мы жили в монастырской постройке с большими углами и скрученными лестницами. Толстоствольный дом гудел, как вулкан: топот ног по деревянным ступеням, приглушенные разговоры, грохот мисок в столовой, голоса воспитателей, похрюкивающие бужажные детские голоса. Все дивилась и кипело. Это была раскаленная лава, готовая запуститься и хлынуть в окна, в двери, в щели, в подвалы, на чердаки...

Лужик постоянно был среди нас. Мы удивлялись: когда он спит? То наступил густые брови, осматривает манаву под водопрором, которую вырлы в день, и палькой замерзает глубину, то записывает что-то в блокнот, то идет нас в баню и, увидевши в предбаннике, проверяет каждого, хорошо ли помылся: трет пальцем олово ключицы и отпрывает мыться снова, нехорошо по трем...

— Петр Лужик, я не чистил!

— Иди, иди, Сидоров, мойся олять.

Человеку непосвященному работа воспитателя кажется несомненно потужным и вынужденными речей и красивых постройках. Он не понимает, какими она смешными и шестолетними делами занимается воспитатель. Вывернуты карманы гимнастики, вытаскивает мамушкина вельной буюной. Проверяет по спальне и заставит вынести на улицу сырой матрац.

О Лужика невозможно было спрашивать. Он выходил из кустов в тот момент, когда на свет погасло панорама в синем и белом портрете (была мода на портреты) говорили:

— Я сохраняю эту вещь до тех пор, пока ты не вырастешь. Когда будешь уходить из детского дома, мы сидим с тобой вот ты на скамью, покурим и поговорим о том, каких дураском ты был сегодня.

Он и в меня отобрал портрет с картинной, где была изображена «миски в аду».

Жизнь проходила в больших и малых заботах. И во всем присутствовал Лужик. Был он то весел и разговорчив, то задумчив и молчалив. Знал все наши дела и настроения. Может быть, потому, что дважды летел в детский дом воспитателем этого дедушка. Он никогда не читал нотаций, говорил мало и весело. Слова его, как пулю, достигали цели. Войдет в рабочую комнату, где сидят и прачешься от жары.

— Что делашь?

— Ничего.

— Ну, делай, делай...

Пленил насильно, и уже видна его понаживающая спина. После этого берешь лопату и торпонишь туда, где трон одноклассники самают деревья.

Было в Лужике что-то необычное. К нему невозможно было привыкнуть, невозможно было забыть его с бока, как дорогу, лес, крик птиц, других воспитателей, к которым привыкли — не тощими лбыми, а ними недобывали. Он смеялся так, как будто знает про нас что-то такое, чем мы даже не подозревали. Мы часто подымало спросить, что же такое необычное он знает про нас и про других людей.

Невозможно было понять его до конца. Что-то было в нем такое, что предостало понять. Иногда это тревожило, заставляло приглядываться. Иногда подлинными вечерами я наблюдал у улицы в окном канцелярии, как он пилскавал, то, никак сконцентрирован был столом и покусывал карандаш. Мне очень хотелось заглянуть в его записки, но вход в канцелярию был запрещен.

Однажды на покое, куда мы вызывали каждого лето, я забрался в кусты и дальней час сидел за Лужиком. Была ночь. Звезда светилась

сквозь кроны деревьев. Лужик сидел у костра и задумчиво шевелил палкой угли. Отблески света пралили по его лицу и от этого оно становилось еще загадочнее. Он сидел долго, молчал долго, чему-то улыбался. Потом встал, отбросил палку, потянулся и, повернувшись в мою сторону, сказал громко:

— Я похолодел и попола в глубину. Неужели знал, что я слежу за ним? Или сказал это кому-то другому? Лесному порошку? Круги ночной птицы? Теперь уже не узнаешь. Не спросишь...

Он шел у нас историю. Входил в класс совсем не такой, каким мы привыкли его видеть в будничном обстановке. Строгий, подтянутый, с непривычным обращением в «вадую» — «вы».

Взвуклов лишьние мне уличу средневекового города.

— За это он ставил оценки в журнал.

— Я вижу черную карету, взброженную шерстяной лошадей, грохочущую по неровной бумальной мостовой... Пешехом прижимаются к стенам домов, остерегаясь огромных кованых колес кареты и грязи, которая брызгает на их платья и обмундирование стени домов.

Ах, эти сорок пять минут истории, от которых голова шла кругом, а в ушах звенели отголоски давних сражений и революций!

Лужик ходил по классу, то горбился, то выпрямлялся, то змурщился, то закатывал глаза. Руки его валились и падали, взорванная разрыв ядер, натиски атакующих армий, кружащиеся воронки вельмов, скрипки učinных музыкантов.

Звенел звонок, прерывая увлекательную историю на згр. Но и в тотом, когда мы гурьбой высылали на улицу. По тому долго еще пело и поновляло в душе. Теперь уже не узнаешь, что оставалось на привычных очертках заброшенной черки. Поражала друг се молчаливая стройность, таинственная затененность чужихх речисом, смелость ирирчеи, тревожность становилось потормаживание старой земли на крыше. И тогда вспыхивали друг миски о черных монахах и клады, зарытых под одним из углов, и в ушах нарастал шорох земли, стелкающей с полами, и глухие удары вступили о крышку стулака.

Клад искали ночью, при свете луны, ископав под всеми углами и выступами. Этого подспасали, что-то вымерили веревками и шагами.

А Лужик смеялся:

— Фальшвары... Не там ищите. Не там...

Же где, не говорим.

— Столько все это. Жаль, что не лодит из темных недр сверкающее сокровище. Рассеялись детские иллюзии, и улыбка трогает губы при воспоминании о гудящих лужичных ноках под ногами.

Но осталось что-то от этого. Правда, осталось.

Когда крутишь ручку приемника, выхватываясь на эфире обрывки фраз и мелодий или когда выходящего подвода на улицу и вдыхаешь весенний воздух — хочется сыграть с места, ехать куда-то, искать, пробовать, идти по стурбам, проваливаясь по колесам...

Жизнь еще так велика. И руки крепки. И ноги сами прыгают в куты.

Как он сказал тогда, Лужик, изловил меня однажды за шиворот за то, что я разрушил водосточную трубу? Кажется, он сказал: «И не дам тебе по нему, потому что гравкаж в тебе человека». Я не понял тогда, не обидел. Удалась божом в кусты, довольный, что лого отделился. Это было слишком сложно для меня...

Нас было больше сотни, и мы лужили друг друга почем яры, не задумливаясь о своей человеческой сущности.

Понимаясь, трудно было жить. Тот, кто лодит в коллективные подросток, знает о дурных течениях и конфликтах, которые неирмитеты для зростороннего глаза. Дети не умеют прощать слабостей. Тем более детдомовцы. Закаленные, шпорокостные, не привыкшие к ла-

ске и излишней сентиментальности. Всегда найдется среди мальчишек слабешный «энюля» — объект для насмешек и подальтываний. Таким у нас был пятиклассник Спорудюмов. Великолепный худой мальчик, вечно перемазанный зеленикой и украшенный очередной шишкой. Мы, старшихклассники, не замечали его, но от сержантов и доставщиков адроро, Лужик непременно морщился, глядя на него, и задумчиво тер шею.

Нет, он не стал накаивывать обидчиков. Другое дело, нравился казался бы и... совершил большую ошибку. Лужик однажды на общей линейке вызвал Спорудюмова на середину и спросил у него совета, как поступить с провинившимся девятым классом:

— Как думаешь, папаша?

Спорудюмов с ужасом посмотрел на девятиклассников и отпрянул-таки змотом гололой. Десятыхклассники были оправданы. С тех пор в часте зидок Лужика и Спорудюмова, разбуливающихся по дорожке и мирно беседующих. Они даже сидели на скамейке, положили ногу на ногу, и говорили о всяких материях.

— Ведь если звезда улетит на Землю, то Земля расколется?

— Да. Несомненно, — кивал головой Лужик. — Это точно. Фякт.

С тех пор никто не обижал Спорудюмова. Его прозвали «стальным советником».

«Вир удил шпашней!» — прочел я однажды на деле алюминевой миски. И удивился: откуда такая пошла в нашу стовую?

— Да это же Лужик, который это-то...

— А радом что-то граматный перевел: «Мы свины!»

Кругом засмеялись.

Лужик делал подумает се Таракану!

Таракан сваял суп и оладчатенно почесал затылок.

С тех пор это превратилось в развлечение. Каждый раз миску подсовывали непосвященному.

Над чем это вы смеетесь? — понтересовался Лужик.

Ему показали миску. Ожидали, что улыбнется, а он почесал лбом и наскоро отвел глаза. Мы испугались и потыкали ртом, когда Лужик взял миску и начал глутить ее в край стола. Он сдвинул ее в лешку (откуда только и сила вылезла?), размакнулся и швырнул далеко-далеко, а таракан...

— Мы люди, — сказал он и выпрямился. — Мы люди!

Повскакивал с мест и тоже выпрямился — столько же было в его голосе столько гордости во взгляде. Вдруг впервые потыкали глаза гордостью за то, что мы ЛЮДИ.

Встало что-то в душе в полный рост и не падает до сих пор.

И не уроним. И если вдруг начнет колесить...

Владимир ОБОЗЕНКО

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

У человека не было друзей,
а был у него один приятель,
с кем можно провернуть
мероприятие,
забить козла и съездить на хожке.
У человека не было утаа,
он приходил ко мне,
читал подолгу
и ставил книги бережно
на полку,
висла стиха, пристраясь
у стола.
Он вроде бы со мною рядом был,
а уходил — и в сердце
оставался
кавалетто сивтенная усталость:
как будто бы меня он обвинял.
Нет, не за скудость, —
гостю хлеб и соль,
ступил ко мне,
и я открыю двери,
не удивлюсь я
и чашку не сворю.
Нет, не сивтен,
уже давно вошь-вошь.
Но вот не совмещается душа,
как ни крути,
венок не совмещается.
А разумом такое
не решается.
Идут года, а дружба
не пришла...
У человека не было
друзей.
И у меня их кажется
не густо.
И в доме у меня как будто пусто
от всей несовместимости
моей.

Рукам моим еще работы много,
Их на земле не переделать дед.
Я по разбитым проходам дорогам,
Домам в пустыле овна я гадаю.
Хлеб пересыпал был в полях
не убрал;
И свая недостроенных мостов
Ко мне тянулся из тумана утром.
Как будто говорил мне: постой!
О эти руки а садных, пореза!
Вам исконо веков покоя вет.
В адоном являлся шлах камней
Хорезма,

На вас от кирпичей Норальса слад,
Прохляпие соларкой и металлом,
Хрегамй вен зарезаные якос,
Порою опускается устало,
Как будто бы забив последние гвоздь.
Но нет! Сердцам не холодеет.

Мир не достроен, — от скуки
Мир в асехт алет.
Его еще долгая касаться руки —
Не чья-то дубка, а именно мои!



баться почва под ногами, если в сердце, в самом нутре бархатил что-то, раскручиваются камни-витники и рычаги начинают болтаться в разные стороны, и исполона лицо Лукича с городами в глубине глазами, вспоминаю, как шел он однажды, раскинув руки на очернившегося юнца, выставлявшего перед собой самодеятельный блестящий нож, шед, затворяя нас сильной, и не боялся ни любого шипения обезумевшего зверья, ни боли, ни смерти, а боялся одного — уронить в себе человека.

Он умер от сердечной боли. У него болело сердце, а никто не знал об этом. Он всегда оставался с больною юнкой на один. И презирал больню. И не знал юнку вальдола. Потом слег в больницу.

А однажды, когда мы сидели внизу, в раздевалке, и принимали ванныки и теплограммы, вошел кто-то и сказал:

— Умер Лукич.

Стало тихо.

— Совсем?

Надежда еще висела в воздухе, еще цвела-лася за шероховатые белые стены. Но не удержалась и скользнула на пол.

— Совсем.

Вспомнил вверх по узкой лестнице.

Там, уткнувшись лицом в красную бархатную скатерть стола, громко плавал Свердловский. Хорошица его шумным ноябрьским днем. Гроб несли на руках до самого кладбища. Сначала шли стройными рядами, потом сбившись в огромную молчаливую толпу. Шел, задерживая трамвай и автобусы. Когда а мозолику с глухой стуком поспалился комыля меральной земли, я встал один комочек и незаметно положил в карман пальто. Я имел на это право: между нами было что-то интимное, недосказанное, мы часто обменивались понимающими взглядами, мы часто оставались наедине... как там, в лесу.

Но, может быть, у каждого из нас было интимное и недосказанное и каждой положил в карман пальто меральной комочек земли?

Когда перебрали содержимое его стола, я нашел свой портсигар с «мишками». В него вложена была записка с моей фамилией и пожеланием на будущую жизнь.

В трех десятках других портсигаров было то же.

Не хватает Лукича. Временами становится грустно и тоскливо. Как тогда, когда в классе вошла новая историчка с перманентными пружинками кудрей, высормаркался и громко сказала:

— Достаньте учебники и откройте на хронологической таблице. Будем заучивать даты.

А нынче летом на покосе мне показали памятник Лукичу из больших камней, которые раньше лежали у костра, а памятник сложили нынешние воспитанники. Они не знали да и не могли знать Лукича. Он и им светил — метеорит, промелькнувший однажды в нашей жизни и оставший в ней глубокий след.
Мало он помыл — тридцать с небольшим лет. А запомнил надолго, на всю жизнь. Сколько лет прошло, сколько солнечных и зыбрых дней. Сидне сумерки в огне ватно, кавариз в атайской степи, занесенная снегом до тубы, вседневные дороги Сибири с галой володой на обочинах... Всюду берег и согрелся в душе Лукича.

И вот стою перед грудой серых камней, перед творением маленьких и дилекх рук горластых мальчишек, а кругом шум соевы и шалест травы.

Как он сказал тогда? «Я уважаю в тебе человека...» Спасибо, Лукич. Мы еще придем сюда все: и ты, кто знал тебя, и нынешние мальчишки, и ты, что бугает. Мы болынами буквами выьем на поверхности камня: «Бдещ сидел Петр Лукич Хмилд, глядя в пламя костра, задумчивый и устремленный в будущее. В наше будущее. И свет этого костра еще долго будет светить нам в пути».

г. Свердловск.

У Владимира Оболенко две профессии: поэт и архитектор. Две профессии, и обе творческие, обе любимые, обе требуют человека чинного истого, самостоятельного, это и хорошо и трудно. Хорошо — потому что чинного, автоматически исключает писание стихов по малым поводам, от слезы или для того, чтобы как-то оправдать — перед собой и другими — свое принадлежность к литературе. Трудно — потому что...

Впрочем, надо ли объяснять, почему трудно? Достаточно сказать, что были в жизни Владимира Оболенко периоды, когда он, казалось, совсем отделился от жизни. Достаточно сказать, что его единственная юнка книжечка, вышедшая в Новосибирске и одобренная солидарной и Камероном, складывалась несколько лет и получалась не совсем романой по степени зрелости вошедших в нее стихов. И востанки это хорошая книжечка.

Володе Оболенко часто летает на Север. Там, в Тюменской области, рождается комочек тогдашних поэтов — Иванова-Варварова. Владимир Оболенко — главный архитектор проекта.

— Так что же все-таки для тебя основное — новинка или архитектура? — спрашивает его товарищ.

А он отвечает:

— Вот построим город — тогда и обсудим этот вопрос...

ИЛЬЯ ФОНЯКОВ



Миллер Виньярь

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

КОЛЯ И СТЕПАН БОГДАНОВ

— Я совершал побег раз сто, — медленно говорил Степан Богданов. Коля слушал его, закрыл глаза. — Сто первый — этот.
Богданов замолчал. Коля слышал, как он ползет за курткой. Встал, на постеле, большие часы прозвенели три раза.
— Утро, — сказал Коля. — Скоро солнце взойдет.
— Спать хочешь?
— Нет.
— Спишь дай, мои отсырели. Моет, сонем? А? Спишь, они на допросы выдвигают с шести часов. Зануртнсты пренялть...
— Говори дальше, — попросил Коля, — рассказывай все.

Замок Вавель в Кракове.

«Строго секретно!

27 августа 1944 года.

Вавель.

тел. А. 7 Флора 0907.

Весьма срочно!

Рейхсфюреру СС Гиммлеру.

Документ государственной

важности!

Напечатано 4 экземпляра.

Экземпляр № 2.

РЕЙХСФЮРЕР!

Я послал Вам стенограмму совещания у генерал-полковника Нойбуха, посвященного вопросам,

связанным с решением проблемы очагов славянства в Европе.

«НОЙБУТ. Господа, существе вопроса, по-видимому, всея присутствующим здесь сегодня знакомо. Поэтому я освобожу себя от тяжелой обязанности обосновывать и теоретически подкреплять, как это любит делать наша официальная пропаганда, необходимость тех акций, которые запланированы. Прошу докладывать соображения.»

МИЛЛЕР. Я поручаю практические работы полковнику Дорнфельду и Крауцу.

НОЙБУТ. Боюсь, что фамилии я не запомню. МИЛЛЕР. Дорнфельд и Крауц вызваны мной. Они готовы к докладу.

НОЙБУТ. Нет смысла. Видимо, вы, как руководитель инженерной службы, сможете объяснить нам все тонкости. Вопросы, которые, вероятно, возникнут, вы решите позже.

МИЛЛЕР. Я готов.

НОЙБУТ. Пожалуйста, мой друг, я — весь внимаю.

МИЛЛЕР. Форт Пастерник, находившийся в девяти километрах от города, вот он здесь, на карте, оборудован нами в штаб по выделению акции. Сюда будут проведены электрокабельные проложения. Старый зорор, Крепость Храм, Старый Римок, Университет и все остальные здания, представляющие собой сколько-нибудь значительную ценность, будут замшированы.

НОЙБУТ. Нет, нет, Миллер. Такую формулировку никогда не открыт в ставке рейхсфюрера. Речь идет обо всех зданиях, всех, а поочередно. Мы — солдаты, а не исследователи, и не нам определять ценности исторических памятников. Акция только в том случае будет действительной, когда будет уничтожено все, а не выборочные объекты.

Да и потом, в случае уничтожения выборочным порядком наиболее ценных памятников будущее может обвиться нас в вандализме. Полное уничтожение оправдывается лозунгом войны.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Возвращение «Красных дьяволят»

Наш корреспондент Владимир Бабин обратился к молодому режиссеру Эдмонду Косляку с просьбой рассказать читателям «Смены» о его новой работе.

— «Павлу Валькину, автору «Красных дьяволят», посвящается». Этими строками будет начинаться мой будущий фильм «Новые приключения красных дьяволят» по сценарию Сергея Ермолинского.

В двадцатые годы на экранах страны шел немой фильм «Красные дьяволята», поставленный режиссером И. Перестыным. На порогах юных героев грандиозной войны воспитало молодое поколение тех лет. Я считаю, что приключенческий жанр прочно утвердился на наших экранах (как средство убедительной, очень заразной и в то же время нравучительной агитации. Герои приключенческих кинолент не столько говорят, сколько делают, и делают лихо, красиво, броско и зримо, демонстрируя своими поступками красоту подвига, преданность делу, стойкость, героизм.

Для меня очень близок образ молодого человека, пришедшего в революцию, с его неуязвимой способностью творить добро, отдавая все свои силы людям. Мне хочется, чтобы такой герой

стал новым примером для подражания, чтобы немудрыми и зрительным задум не было отчуждена, чтобы ребята нашей эпохи жили с гордостью фильма.

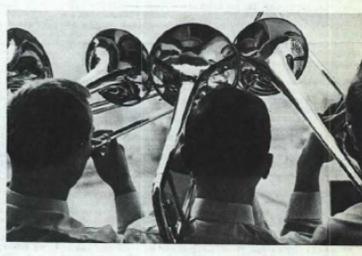
В чем же схожесть и различие нашего фильма с немой кинолентой «Красные дьяволята»? Следуя доброй традиции приключенческого жанра, мы будем стараться сделать наш фильм лучше, интереснее, глубже по идейной сущности. Увлечательный, насыщенный приключениями сюжет, приподнятый, романтичный язык произведения, обильные остроты, подчас неожиданные ситуации, с одной стороны, и новейшие возможности современного кинематографа — широкий экран, цвет, техника звуковых съемок, «бешеный» ритм повествования, безусловные, дадут нам возможность на основе известного сюжета повести П. Валькина создать произведение, которое запомнится бы юным зрителям, послушно бы им коршона правителей приключенческого жанра.

В роли Степана-Исанин будет сниматься первообразный, безусловный игрок Витя Косык. Образ Димки-Цульс, юнармийца «Красных

Витя Косык в роли Димки-Цульс

дьяволят», предстоит создать молодому актеру Витю Косыку, знакомому зрителям по фильмам «Доброе помаловато», «Знают, открыты двери» и «Мимо окон идут поезда». Валерий-гимназист сыграет московских школьников Миша Метелин. В фильме также будут сниматься известные актеры, танец, как Владимир Дружинников и Роза Банко. Музыка и фильм пишет композитор Борис Монроусов.

Вслед за «Красными дьяволятами» я буду снимать на «Мосфильме» кинокартину «Антарктида — далекая страна». Сюжетная линия фильма связана с историей героической экспедиции в Антарктиду. Фильм призван раскрыть судьбу одного из героев — Игоря Борцова, который, испугавшись опасности, покинул друзей и вернулся в Москву. Его окружат вниманием, похвастаются ему страшно. Ему немного освоятся с лагиром, который он не заслужил. Его учулит совесть. И только помощью друга бывшего школьного товарища, дает ему возможность вновь обрести себя, найти в себе силы стать честным и мужественным. На мой взгляд, в сценарии подита важная нравственная тема, очень современная и очень нужная сегодня. И я буду рад, если смогу донести зрителям то, что взволновало его авторов — А. Горюховского и А. Кончаловского.



Веселые тромбоны



Сначала появилась идея — доказать, что тромбонист может быть в эстрадном оркестре таким же самостоятельным, солидным инструментистом, как, например, саксофон. Четверо зингистов — Константин Бакоиди, Владимир Богданов, Витер Снегов и Владимир Мотов — создали квартет с радужным названием «Веселые тромбоны».

Целый месяц молодые музыканты репетировали, поочередно назначив места в знаменитых оркестрах. Репетировали, что называется, на свой страх и риск. Получается — складут: володыня ребята. Не получится — вообще ничего не выйдет. От последнего предположения почему-то сосало под ложечкой.

Но вот репетиции были закончены. Их прослушали. Одним понравились, другим не очень. Решено же было сделать так: пусть «Веселые тромбоны» поедут по стране, пусть их увидит и услышит зритель — самый строгий судья и самый откровенный музыкант.

Ансамбль признали. Специальная программа по радиостанции «Юность» расширила круг его слушателей до нескольких миллионов человек. Сперва успеха ансамбля замечали в том, что тромбоны оказались де-

ствительно веселыми. Слушая их, любители музыки восхитались не только профессиональной зрелостью исполнителей, но также их безупречной техникой владения инструментом, но и находчивостью, умением использовать и мягкий терзательный, и его широкий диапазон, и зрелищные эффектные формы подачи пьес.

Кстати, о репертуаре. Это современные советские и зарубежные композиции — самых различных авторов. Есть у ансамбля и «свои» пьесы, написанные специально для квартета тромбонистов, и еще шире — Константин Бакоиди. Одна из них — «Югда не тает» — интересна по замыслу и свидетельствует о незаурядном даровании автора.

Рассказывать об ансамбле «Веселые тромбоны» вообще о любом музыкальном ансамбле и еще шире — вообще о музыке — очень трудно. Потому что музыке не передашь словами. Но как-нибудь, кто побывал на выступлениях квартета тромбонистов, может подтвердить: создавая квартет, очень интересный эксперимент и, безусловно, удачный.

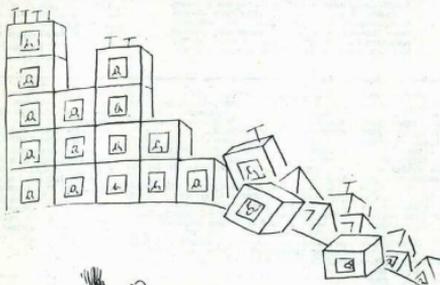
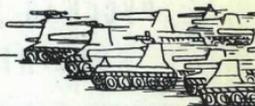
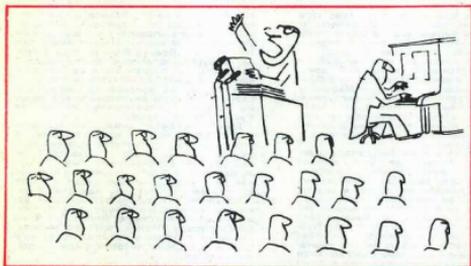
М. ВЛАДИМИРОВ

ВЛАДИМИР ИРАНЕК



Глядя на фотографию Владимира Иранека, чехословацкого caricaturista, не станешь удивляться, почему его рисунки появились на страницах молодежного журнала.

Несмотря на молодость, Владимир достигательно мастерски. Его работы пользовались успехом на международных выставках caricatur в Праге и Брюсселе. И еще одна деталь, которая может служить ключом к пониманию «иранекского юмора» — он окончил философский факультет Прагского университета. Сотрудничает в молодежном журнале «Млади свет».



Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Делматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лазров, Е. И. Рычков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотоочерки и репортажи — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-08; оформления — Д 0-28-33.

Художник-оформитель О. Теслер.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 10396. Подписано к печати 15/Х 1966 г. Формат бум. 70x108/16. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 3,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 1946. Заказ № 2886.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПИСЬМА

Умеренно

Почему ты не пишешь,
Что случилось с тобой!
По брезентовой крыше
Ходит дождь проливной.

Если б только ты знала,
Как здесь письма нужны,
Ты б тогда не писала
От весны до весны.

Припев:
Может, письма
Затерялись в тайге,
Может, письма
Запутались в пурге!
Где-то бродят, непогода кляня,
Неужели они не отыщут меня!

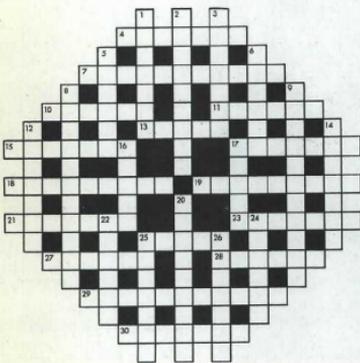
Здесь погода такая:
То дожди, то снега.
Мы пройдем, где людская
Не ступала нога.

Взяли карту ребята,
Намечают пути,
Говорят глуховато:
— Старина, не грусти.

Припев.
Ты пришли мне надежду
И живое тепло,
Даже ночью крошечной
Мне от писем светло.

Я прочту их в разлуке,
Улыбнусь тишине,
Словно добрые руки
Прикоснутся ко мне!

Припев:
Может, письма
Затерялись в тайге,
Может, письма
Запутались в пурге!
Где-то бродят, непогода кляня,
Неужели они не отыщут меня!



КРОССВОРД

Составил В. АНДРЕЕВ
г. Воронеж

По горизонтали:

- Горы новгородских былин.
- Аппарат для очистки воды от солей.
- Гриб, растущий на корнях деревьев.
- Сплетенные А. С. Пушкина.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Издание металлургической промышленности.
- Опера П. И. Чайковского.
- Порт в Испании.
- Герой на острове Сцилла.
- Государство в Европе.
- График, народный художник СССР.
- Индийский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии.
- Столица советской союзной республики.
- Композитор, автор балета «Жар-птица».
- Сумка для топографических карт.

По вертикали:

- Приток Енисея.
- Вид спорта.
- Элементарная частица.
- Овощ.
- Пасхиный пожелание, эмблема.
- Второстепенный член предложения.
- Прибор для записи кривых, характеризующих изменение эластических величин.
- Река в Западной Африке.
- Химический элемент.
- Административный центр острова Корика.
- Роман И. А. Гончарова.
- Высокогорный курорт в Грузии.
- Ново утробленным в Латинской Америке для уборки сахарного тростника.
- Русский советский поэт.
- Ирландия перелетная птица.
- Советский физик, лауреат Ленинской премии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

- Чайкина.
- Занопане.
- «Мужество».
- Панова.
- Каленов.
- Аполони.
- Сурдоламера.
- Штаб.
- Зина.
- Фадеев.
- Кочан.
- Тобора.
- Архимед.
- Ноттов.
- Неодим.
- Киев.
- Нева.
- Силососудина.
- Оберен.
- «Орлеан».
- Алунян.
- «Славянка».
- Мавракин.
- «Русская».

По вертикали:

- «Млада».
- Очерк.
- Снобизм.
- Самбо.
- Жюльен.
- Карламыш.
- Топограф.
- Источник.
- Овсенька.
- «Вурцбург».
- Арзамасова.
- Давиденко.
- Макаренико.
- Безменков.
- Забелин.
- «Молодежная».
- Кемперов.
- Менчурый.
- Нервель.
- Арарий.
- Нувал.
- Отарь.
- Нумач.
- Ахсар.

Урок движения



Повните веселую французскую комедию «Фанфан-тольпан»? Она восхищала не только остроумным сюжетом, но и удивительной игрой Жерара Филлипа. Он мастерски фехтовал, совершил головокружительные прыжки — и все это легко, непринужденно, без малейших усилий. Для специалиста тут все ясно: талантливый актер в совершенстве владеет техникой движений, умея управлять своим телом. Техника движения — очень важная и трудная часть подготовки актера. Ведь на сцене или в кино возможны самые невероятные ситуации, и каждой из них артист должен быть готов.

Перед вами несколько фотоснимков, сделанных на занятиях студитов Театральной училища имени М. С. Щепкина при Малом театре. Короткие, несложные сценки, насыщенные движением и... спортом. Вот одна из них — она называется «Экцентричный эгоист». Два напарника и девушка — старая как мир ситуация. Тут без повднина на обойтись, тем более что в руках у мужчины обманенные шпаги. Но на сей раз все происходит иначе. Девушке не по душе воинственные поношники. Она смеется над ними. И наконец, забыв рыцарские правила, бросается со шпагами на обидницу. Но не тут-то было, девушка сбрасывает шпаги: оказывается, она и сама вооружена. У молодых людей выбиты шпаги, они повержены...

Вот и все. Но в наном бешеном темпе идет этот «Бой», дакие немасивные выпады и прыжки совершают студенты! Интересны и другие отходы — «Партизанка», «Ино в начале века».

Характерная деталь: все участники «сражения» хорошо владеют оружием. В этом нет ничего удивительного. Ведь их руководитель доцент Аркадий Борисович Неморовский известен не только в театре, но и в большой спорте — он был чемпионом Москвы по фехтованию, входил в сборную команду СССР. Так что на занятиях он выступает в двух лицах: театральный педагог и спортивный тренер.

И. ИВАНОВ

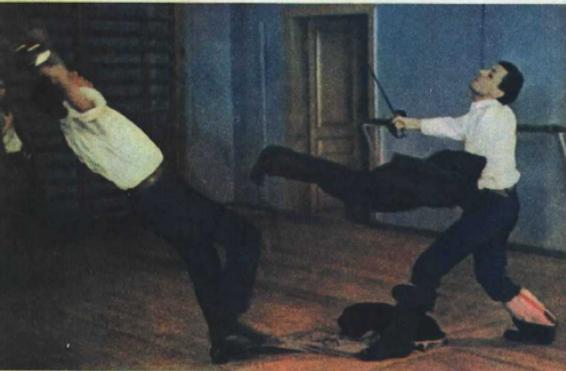
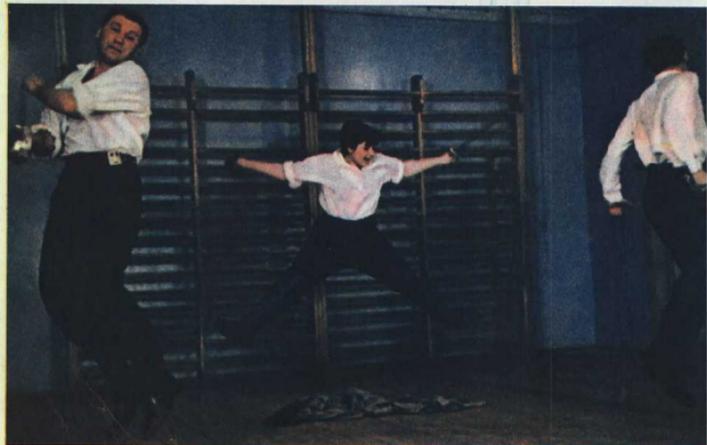


Фото В. САФРОНОВА



Цена номера 20 коп.

Индекс 70820.